

НОВАЯ СЕРИЯ ОТ СОЗДАТЕЛЯ «ПЕРСИ ДЖЕКСОНА»!

НАСЛЕДНИКИ БОГОВ

ОГНЕННЫЙ ТРОН

РИК
РИОРДАН

Вселенная Перси Джексона и наследников богов

Рик Риордан
Огненный трон

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риордан Р.

Огненный трон / Р. Риордан — «Эксмо», 2011 — (Вселенная
Перси Джексона и наследников богов)

ISBN 978-5-04-151381-8

Что вы знаете о семье Кейн? Меня зовут Картер Кейн. Мне четырнадцать лет, и вся моя жизнь вмещается в чемодан. Я объехал полмира вместе с моим отцом-археологом. У меня есть сестричка Сейди, которая живет в Англии. Думаете, тоска зеленая? А вот и нет! Наша жизнь полна сумасшедших приключений! Все гораздо хуже, чем вы думаете. Если с богом Сетом, которого случайно выпустил на свободу мой отец, мы сумели договориться, то с олицетворением зла, змеем Апопом, совладать невозможно. Не зря его боятся все боги. На земле грядет настоящая катастрофа, ведь Апоп стремится подчинить себе все живое и погрузить мир в хаос. Единственный, кто может прийти к нам с сестрой на выручку, — это бог солнца Ра. Но вот незадача — Ра спит уже несколько тысячелетий, а чтобы разбудить его, требуется знание особой магии и помощь других богов, которые не спешат нам ее оказать... Поистине невыполнимая миссия!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-151381-8

© Риордан Р., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предупреждение	6
1	7
2	15
3	23
4	32
4	44
5	53
6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Рик Риордан

Наследники богов. Книга 2

Огненный трон

Rick Riordan

The Kane Chronicles: Book Two:

The Throne of Fire

Text copyright © 2011 by Rick Riordan Permission for this edition was arranged through the Nancy Gallt Literary Agency

Разработка серии С. Шикина

Иллюстрация на обложке Анатолия Дубовика

© Васильева А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Посвящается Коннеру и Мегги,
замечательной команде семьи Риордан*

Предупреждение

Приведенный ниже текст представляет собой расшифровку аудиозаписи. Впервые Картер и Сейди Кейн стали известны читателям благодаря записи, которая попала в мои руки в прошлом году и которая была опубликована под названием «Красная пирамида». Вторая запись была прислана мне домой вскоре после того, как была издана первая книга. Из этого я могу лишь заключить, что брат и сестра Кейн доверяют мне продолжить публикацию их истории. Если все изложенное в этой записи соответствует действительности, нынешний поворот событий внушает большую тревогу. Ради самих Кейнов, а также ради всего мира в целом, я искренне надеюсь, что нижеследующее повествование – не более чем вымысел. В противном случае мы все с вами оказываемся в крайне опасном положении.

1

Мы играем с огнем

Картер

Говорит Картер.

Слушайте, у нас нет времени для долгого вступления. Я должен быстро рассказать вам нашу историю, иначе мы все погибнем.

Если вы не слышали предыдущей нашей записи, то... ладно, коротко введу вас в курс дела: египетские боги шастают на свободе по современному миру; шайка магов, называющая себя Домом Жизни, пытается остановить их; и те, и другие ненавидят нас с Сейди лютой ненавистью; а еще огромный змей собирается проглотить солнце и уничтожить весь мир.

(Оу! А сейчас-то за что?)

Сейди опять пинается. Говорит, что я сею панику почем зря, поэтому я должен стереть все, что успел сказать, успокоиться и начать запись заново.

Возможно, но лично я считаю, что мы просто обязаны как следует вас напугать.

Цель этой записи – рассказать вам, как все было на самом деле и почему все пошло наперекосяк. Вам наверняка придется послушаться про нас всякой чуши, но не верьте: мы не виноваты ни в чьей смерти. И этот змей – он тоже не на нашей совести. Ну, то есть... не совсем на нашей. Сейчас маги всего мира должны объединиться и действовать сообща. Это наш единственный шанс.

Итак, вот наша история... а дальше решайте сами. Все началось с того, что мы устроили пожар в Бруклине.

Вообще-то задача перед нами стояла самая нехитрая: умыкнуть из Бруклинского музея один египетский артефакт и по-тихому сбежать, чтобы нас не поймали.

Нет-нет, мы не собирались ничего красть. Потом мы бы непременно вернули артефакт на место. Хотя согласен, выглядели мы довольно подозрительно: четверо подростков в черных костюмах ниндзя, крадущиеся по крыше музея... Ах да, и еще павиан, тоже одетый как ниндзя. Точно, мы не могли не вызвать подозрений.

Первым делом мы отрядили наших стажеров, Жас и Уолта, открыть боковое окно, а наша команда – в смысле Сейди, Хуфу и я – пока что изучала здоровенный стеклянный купол на крыше музея, который должен был послужить нам выходом на обратном пути.

И с этим выходом возникли кое-какие проблемы.

Уже давно стемнело, и музей должен был быть закрыт. Вместо этого стеклянный купол был ярко освещен, а внизу под нами, метрах в сорока, не меньше, в огромном зале размером с самолетный ангар прохаживались, разговаривали или танцевали сотни людей в смокингах и вечерних платьях. Играл большой оркестр, но из-за завывания ветра и лязга собственных зубов музыки я не слышал. Легкий льняной костюм вроде просторной пижамы, в котором обычно ходят маги, ничуть не согревал.

Магам полагается носить одежду исключительно из натурального растительного волокна, потому что она не мешает творить заклинания. Понятно, эта славная традиция зародилась в

пустынях Египта, где холод и дождь – большая редкость. Зато попробуйте пощеголять в такой одежке в Бруклине промозглым мартовским вечером...

Зато моя сестрица Сейди, похоже, холода не замечала. Она как раз возилась с замками на створках купола, при этом невнятно подпевая что-то собственному айподу. Нет, ну серьезно: кому придет в голову отправляться на взлом музея, сунув в уши наушники и включив музыку? А ей вот приходит.

Одета она была примерно так же, как и я, только на ногах у нее, как всегда, были ее любимые армейские ботинки. В белокурых волосах, как водится, пестрели ярко-красные прядки, разве что по случаю сегодняшней тайной операции их было немного меньше. Вообще, Сейди синеглазая и белокожая, то есть совершенно не похожа на меня. И нас обоих это очень даже устраивает. Всегда можно сделать вид, что эта чокнутая девица рядом не имеет ко мне ни малейшего отношения.

– Вроде кто-то говорил, что в музее в это время будет пусто, – мрачно напомнил я.

Сейди, естественно, меня не услышала. Мне пришлось выдернуть у нее из ушей наушники и повторить свои слова.

– Должно было быть пусто, – спокойно отозвалась нахалка, пожимая плечами. Конечно, она ни за что не признается, но я-то заметил, что после нескольких месяцев жизни в Штатах ее британский акцент стал постепенно пропадать. – На сайте музея говорится, что он закрывается в пять. Кто же знал, что здесь устроят свадьбу?

Свадьбу? Я еще раз поглядел вниз и убедился, что Сейди права. Несколько девушек выделялись из толпы кисейными платьями персикового цвета – ясно, подружки невесты. На одном из столов громоздился здоровенный трехъярусный торт. Гости, разбившись на две кучки, усадили жениха и невесту на стулья и потащили их через зал, а их друзья бегали вокруг, приплясывая и хлопая в ладоши. То, что никого из новобрачных в этой свалке не уронили вместе со стульями, можно было считать настоящим чудом.

Хуфу настойчиво постучал по стеклу. Наверное, он думал, что черная одежда поможет ему слиться с тенью, но он не учел свою золотистую шерсть, не говоря уже о радужно-многоцветной физиономии и, так сказать, кормовой части туловища.

– Агх! – рыкнул он.

На павианьем языке это могло означать что угодно, начиная с «смотрите, сколько там еды» и заканчивая «до чего грязное тут стекло», а может, и вовсе «ну и глупости вытворяют эти люди со стульями».

– Хуфу прав, – отозвалась Сейди, видимо, переведя его высказывание как-то иначе. – Пробраться через эти свадебные гулянья незамеченными вряд ли удастся. Может, сделаем вид, что мы из ремонтной бригады?

– Ага, точно, – кивнул я. – Четверо подростков, которые волокут через весь музей трехтонную статую, а потом поднимают ее на крышу. Так и скажем: «Пустяки, обычная плановая процедура техобслуживания. Не обращайтесь на нас внимания».

Сейди смерила меня пронзительным взглядом, потом вытащила свой магический жезл – изогнутую резную палку из слоновой кости, покрытую фигурками мифических чудовищ, – и направила его на основание купола. В воздухе вспыхнул золотой иероглиф, и последний замок со щелчком открылся.

– Если мы не собираемся использовать купол в качестве выхода, – поинтересовалась она, – зачем я тогда его открывала? Может, тогда выйдем тем же путем, что и проникнем внутрь, через боковое окно?

– Я же тебе говорил: статуя просто огромная. Ни в какое окно она не пролезет. Да еще эти ловушки...

– Тогда, может, вернемся сюда завтра вечером? – сказала она.

– Не выйдет, – покачал головой я. – Завтра утром всю экспозицию упакуют и отправят в мировое турне.

Сестрица приподняла брови в своей обычной раздражающей манере.

– Возможно, если бы кто-нибудь уведомил нас заранее, что мы должны украсть эту статую... – начала она ехидным голоском.

– Ладно, проехали, – устало отмахнулся я.

Ясно же, что этот разговор ни к чему не приведет. Что толку, если мы с Сейди, вместо того чтобы действовать, будем сидеть на крыше и препираться? Да, да, конечно, она совершенно права. Я и сам был бы рад узнать о предстоящей операции заранее. Но, черт возьми, мой источник сведений не отличался большой надежностью. После того как я неделями выпрашивал хоть какой-нибудь помощи, во сне мне пришла подсказка от моего старого друга Гора, весьма воинственного бога в обличье сокола, который как бы невзначай обронил: *«О, кстати, о том артефакте, про который ты спрашивал. Ну, который содержит ключ к спасению планеты, верно? Так вот, последние лет тридцать он хранится тут неподалеку, в Бруклинском музее, вот только завтра его отправляют в Европу, так что вам лучше поторопиться. У вас пять дней, чтобы придумать, как им воспользоваться, иначе нам всем конец. Желаю удачи!»*

Я готов был заорать на него, какого черта он не сказал мне об этом раньше, да только что пользы? Боги сообщают что-то лишь тогда, когда сами готовы сделать это, и к тому же у них довольно смутные представления о том, как идет время в мире смертных. Мне известно об этом не понаслышке: несколько месяцев назад Гор обитал в моей собственной голове. С тех пор у меня даже остались некоторые из его скверных привычек. Например, иногда я вдруг испытываю приступы желания поохотиться на мелких пушистых зверьков или вызвать кого-нибудь на смертный поединок.

– Тогда давай просто придерживаться плану, – предложила Сейди. – Пробираемся внутрь через боковое окно, находим статую и вытаскиваем ее через купол в зале. Когда дойдет до дела, придумаем, как быть со свадьбой. Может, предпримем какой-нибудь отвлекающий маневр.

– Что еще за отвлекающий маневр? – нахмурился я.

– Ой, Картер, ну что ты так нервничаешь, – закатила глаза сестрица. – Все будет отлично. Или у тебя есть другие предложения?

В том-то и беда, что не было.

Наверно, вы полагаете, что магия здорово облегчает жизнь, но на самом деле она ее только усложняет. Что бы ты ни задумал, всегда находится миллион причин, почему в определенной ситуации то или иное заклинание не сработает. Ну, или вам мешает какая-нибудь противодействующая магия – например, защитные чары этого музея.

Мы точно не знали, кто их навел, эти чары. Может, кто-нибудь из сотрудников музея был магом, работающим под прикрытием. Вообще-то, такие вещи отнюдь не редкость. Наш собственный отец успешно пользовался своей докторской степенью по египтологии для того, чтобы получать доступ ко всяким редким артефактам. К тому же в Бруклинском музее хранилась крупнейшая в мире коллекция египетских магических текстов – как раз по этой причине мой дядя Амос и обосновался в Бруклине. Одним словом, причины установить в музее защиту или хитрые магические ловушки на подступах к особо ценным экспонатам могли иметься у многих магов.

Как бы то ни было, мы не замедлили убедиться, что все окна и двери запечатаны довольно коварными заклятиями. Кроме того, мы не могли ни открыть на выставке магический портал, ни отправить за нужным экспонатом наши *шабти* – волшебные глиняные статуэтки, которые служили в нашей библиотеке и обычно могли добыть для нас любой необходимый артефакт из любого музея.

Значит, нам придется отыскать более сложный способ войти внутрь и выйти обратно с добычей. А если мы хоть в чем-нибудь ошибемся, то еще неизвестно, какие заклятия обру-

шатся на наши головы: каменные стражи-чудовища, жуткие болезни, огонь или взрывающиеся ослы (и ничего смешного: жуткая пакость, к вашему сведению).

Единственный выход, который оказался не заминирован никакими злокозненными заклинаниями, и был тот самый купол над бальным залом. То ли тем, кто устанавливал защиту музея, не пришло в голову, что могут объявиться воры, которые станут красть объемистые экспонаты, отправляя их в полет через отверстие в крыше на высоте сорока метров... То ли ловушки на самом деле были, но мы попросту не сумели их обнаружить.

В любом случае стоило попытаться. И на то, чтобы выкрасть... прошу прощения, позаимствовать артефакт, у нас оставался один-единственный вечер. А потом всего пять дней, чтобы выяснить, как его использовать. Обожаю, когда конечные сроки указаны предельно четко. Очень тонизирует.

– Ну что, влезает внутрь, а дальше импровизируем? – спросила Сейди.

Я покосился вниз, где свадебное веселье было в самом разгаре, и от души понадеялся, что мы не испортим молодоженам лучший день в их жизни.

– Выходит, так.

– Вот и отлично, – кивнула Сейди. – Хуфу, оставайся здесь и будь наготове. Когда увидишь, что мы возвращаемся, открывай купол. Понял?

– Агх! – отозвался павиан.

У меня в шее неприятно закололо. Что-то говорило мне, что это ограбление не пройдет так гладко, как было задумано.

– Ладно, пошли, – вздохнул я. – Посмотрим, как там дела у Жас и Уолта.

Мы спустились на карниз четвертого этажа, где размещалась египетская коллекция.

Жас и Уолт справились с заданием на «отлично»: прилепили по краям окна клейкой лентой четыре статуэтки сыновей Гора и нарисовали на стекле иероглифы, которые нейтрализовали и магическую защиту, и обычную электронную систему сигнализации.

Когда мы с Сейди приземлились рядом с ними, они как раз вели какой-то серьезный разговор, причем Жас держала Уолта за руку. Я, пожалуй, чуть-чуть удивился, а вот Сейди была поражена до глубины души. Даже пискнула как-то странно, как будто мышь, на которую наступили.

(Именно так и было! Я сам слышал).

Интересно, Сейди-то что за дело? После Нового года, когда мы с Сейди сделали из оставленного нам амулета *джед* магический маячок, первыми на него среагировали именно эти двое, Жас и Уолт. Мы обучали их уже семь недель, дольше, чем всех остальных ребят, и вроде бы успели неплохо их изучить.

Жас была родом из Нэшвилла. Ее имя – это уменьшительное от Жасмин, только не вздумайте так ее называть, если не хотите, чтобы она превратила вас в какой-нибудь колючий сорняк. Очень симпатичная блондиночка, типичная красотка из группы поддержки... в общем, не совсем в моем вкусе, но при этом она правда ужасно симпатичная: милая, отзывчивая, всегда готова помочь. У нее оказался настоящий талант по части целительской магии, что придавало ей особую ценность в случаях, когда что-нибудь вдруг идет не так. То есть примерно в девятидесяти процентах случаев, если речь о нас с Сейди.

Сегодня ее белокурые волосы были повязаны черной банданой, а через плечо болталась сумка с магическими принадлежностями, украшенная символом богини-львицы Сехмет.

Когда мы с Сейди дружно приземлились позади них, Жас как раз говорила Уолту:

– Мы с этим разберемся.

Вид у Уолта при этом сделался довольно смущенный.

Уолт был... как бы вам его описать?

(Нет, Сейди, спасибо. Про то, какой он «потрясный», расскажешь сама, только дождись своей очереди.)

Уолту четырнадцать, как и мне, хотя ростом и сложением он вполне вписался бы в футбольную команду колледжа или университета. Высокий, мускулистый, с крепкими ногами. Кожа у него цвета хорошо обжаренного кофе, то есть чуть темнее, чем у меня, а волосы он сбривает так коротко, что они кажутся тенью на его черепе. Сегодня, несмотря на холод, он оделся в черную майку без рукавов и поношенные рабочие шорты. Вообще-то это не совсем стандартная одежда для мага, но с Уолтом обычно не спорят. Он стал нашим самым первым учеником, прибыв аж из Сиэтла, и оказался прирожденным *сау* – создателем амулетов. На шее у него всегда болталась целая куча золотых цепочек с амулетами, которые он сделал собственными руками.

Я был уверен, что Сейди к нему неровно дышит и очень ревнует его к Жас, хотя, конечно, она сама в этом ни за что не признается. Тем более что последние несколько месяцев она всерьез сохла по другому парню, то есть вообще-то богу.

(Ладно, ладно, Сейди, больше не буду. Хотя заметь, ты даже не пытаешься отрицать это!)

Когда мы так неожиданно прервали их беседу, Уолт резко выпустил руку Жас и даже попятился. Сейди так и стреляла глазами то в одного, то в другую, пытаюсь понять, что здесь происходит.

Смущенно откашлявшись, Уолт объявил:

– Окно открыто.

– Отлично. – Сейди перевела взгляд на Жас. – А с чем именно ты собираешься разобратся, интересно узнать?

Жас молча стояла, открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

Вместо нее ответил Уолт:

– С книгой... С «Книгой Ра». Раз она такая важная, хочется разобраться с ней получше.

– Точно, – горячо закивала Жас. – Мы про «Книгу Ра».

То, что они ввали, было ясно как день, но, в конце концов, если они друг другу нравятся и у них свои секреты, это их дело, и меня оно не касается.

– Ладно, – сказал я, не давая Сейди времени потребовать у них более правдоподобных объяснений. – Тогда веселье начинается.

Створка окна легко распахнулась. Никаких магических взрывов, никакого рева сигнализации не последовало. Вот и славно. Облегченно вздохнув, я спрыгнул с подоконника в коридор, ведущий к египетскому отделу экспозиции. Может, сегодня у нас действительно все получится?

Египетские древности навевали множество воспоминаний. До декабря прошлого года большую часть своей жизни я проводил, путешествуя с отцом по всему свету. Он много ездил по музеям и читал лекции по Древнему Египту. Тогда я еще не знал, что он маг; это выяснилось только в прошлое Рождество, когда он освободил из многовекового плена нескольких богов, после чего наша жизнь сильно осложнилась.

Теперь любой египетский экспонат, на какой я бы ни глянул, вызывал во мне очень личные переживания. Проходя мимо изваяния Гора, я даже вздрогнул. В конце прошлого года сокологоловый бог вселился в мое тело – пусть ненадолго, но впечатлений мне хватило. А когда мы прошагали мимо большого саркофага, я сразу вспомнил, как злобный бог Сет заточил нашего отца в такой же вот золоченый гроб в Британском музее. Повсюду на глаза попадались изображения Осириса – синекожего бога мертвых, и я снова и снова принимался думать о том, как наш папа пожертвовал собой, чтобы стать новым носителем духа этого божества. Теперь он пребывает где-то там, в магических безднах Дуата, восседая на троне царя загробного мира. Трудно передать словами, до чего это странно: смотреть на древнее изображение египетского бога, созданное пять тысяч лет назад, и думать: «Да, это мой папа».

Все прочие экспонаты тоже выглядели знакомо, как давно привычные семейные реликвии: вот магический жезл, точь-в-точь как у Сейди; вот изображение серпопардов – полулеопардов-полузмей, которые однажды напали на нас прямо здесь, в Бруклине; а вот страница из Книги Мертвых с изображением демона, с которым нам тоже довелось повстречаться лично. И, конечно, повсюду были *шабти* – магические статуэтки, которые оживали, если хозяин позовет их. Несколько месяцев тому назад мне очень нравилась одна девушка по имени Зия Рашид... а потом оказалось, что она тоже *шабти*.

Первая любовь – сама по себе штука непростая. А если еще девушка, по которой ты страдаешь, вдруг у тебя на глазах рассыпается на глиняные черепки, вот тут по-настоящему понимаешь, что значит «разбитое сердце».

Мы миновали первый зал с потолком, расписанным символами египетского зодиака. Шум праздничного веселья из бального зала доносился даже сюда.

Во втором зале египетской экспозиции мы остановились перед каменным фризом размером с гаражные ворота, на котором было вырезано изображение чудовища, топчущего людей.

– Это что, грифон? – спросила Жас.

– Ага, – кивнул я, – египетская версия.

Как положено, у чудовища было тело льва и голова хищной птицы, вот только крылья выглядели иначе, чем принято изображать у грифонов. Они были совсем не похожи на сложенные птичьи крылья и лежали вдоль спины – длинные, ошетилившиеся острыми перьями, как пара стальных щеток. Уж не знаю, как египетские грифоны на них летали – наверно, просто били ими по воздуху, как бабочки. Когда-то фриз был ярко расписан, но сейчас я заметил только остатки позолоты на шкуре зверя. Впрочем, даже с облупившейся краской грифон выглядел подозрительно живым. Его глаза как будто неотрывно следили за мной...

– Грифоны играли роль защитников, – припомнил я папины рассказы об этих монстрах. – Охраняли сокровища фараонов и все такое.

– Здорово, – оценила Сейди. – То есть они должны были нападать на... скажем, воров, которые вламывались в музеи, чтобы выкрасть оттуда ценные артефакты?

– Это просто каменный фриз, – сказал я как можно спокойнее, хотя вряд ли от этого кому-то полегчало. Египетская магия вообще-то в том и заключается, что превращает слова и изображения в реальность...

– Вон там, – сказал вдруг Уолт, указывая куда-то дальше. – Это она?

Мы опасливо обошли грифона по широкой дуге и подошли к статуе, установленной в самом центре зала.

Это было изваяние бога высотой футов восемь, высеченное из черного камня. Одежда у божества была самая что ни на есть египетская: обнаженный торс, юбка и сандалии. Голова у него была баранья, с витыми рогами, от которых за минувшие столетия остались лишь короткие обломки. Венчала эту голову странная корона в виде диска, обрамленного змеями. Прямо перед богом стояла человеческая фигурка гораздо меньшего размера, и бог держал над ее головкой ладони в благословляющем жесте.

Прищурившись, Сейди посмотрела на иероглифическую надпись на пьедестале. Что-что, а древнеегипетскую письменность она разбирала превосходно – еще с тех пор, как однажды в нее вселился дух Исида, богини магии.

– ХНМ, – прочитала она вслух. – Наверно, если вставить пропущенные гласные, должно звучать как «Хнум».

– Точно, – кивнул я. – Значит, это та самая статуя, которая нам нужна. Гор сказал, что она содержит в себе секрет, позволяющий отыскать «Книгу Ра».

К сожалению, особыми подробностями Гор со мной не поделился. И теперь, когда мы нашли нужную статую, я все еще не имел понятия, каким образом она поможет нам в поисках.

Пока я просто сосредоточенно таращился на иероглифы, надеясь наткнуться на какой-нибудь ключ к разгадке.

– А кто этот мелкий перед богом? – любопытствовал Уолт. – Ребенок, что ли?

Жас вдруг щелкнула пальцами.

– О, я вспомнила! Хнум – это бог, который создал первых людей, слепив их из глины на гончарном круге. Наверное, статуя изображает, как он именно этим и занимается: лепит человека.

Она посмотрела на меня, ожидая подтверждения. А я, сказать по правде, совсем забыл эту историю. Хотя мы с Сейди и считались наставниками, частенько случалось, что Жас помнила подробности египетской мифологии куда лучше нас.

– Верно, молодец, – покивал я с важным видом, чтобы не ударить в грязь лицом. – Человек из глины, все правильно.

Сейди с хмурым видом разглядывала рогатый лик божества.

– Кого-то он мне напоминает... Вроде был такой старый мультик про лося... как же его... а, Бульвинкль! Что, этот Хнум был богом лосей?

Да уж, Сейди иногда как ляпнет... Впрочем, я, наверно, об этом уже упоминал.

– Хнум представлял собой одну из ипостасей бога солнца, – пустился я в объяснения для особо необразованных. – Всего их было три: утром он принимал облик Хепри, бога-скарабея, который олицетворял восходящее солнце, днем он становился Ра, а закатное светило, готовое опуститься в потусторонний мир, воплощал собой Хнум с головой барана.

– Как-то все сложно, – насупилась Жас.

– Ничего сложного, – тут же вмешалась Сейди. – Обычное дело. Возьми хоть Картера: у него тоже несколько ипостасей. Утром он зомби, днем – что-то вроде слизняка, а к вечеру...

– Сейди, – не выдержал я, – заткнись, а?

Уолт задумчиво почесывал подбородок.

– А мне кажется, Сейди права, – поделился он. – Прямо вылитый лось.

– Спасибо, – обрадовалась поддержке Сейди.

Уолт слегка улыбнулся, но вид у него при этом оставался какой-то встревоженный, словно его что-то сильно заботило. Жас тоже то и дело поглядывала на него с беспокойством. Интересно, о чем же все-таки они говорили, когда мы их застукали?

– Ладно, давайте пока закончим дискуссию насчет лосей, – решительно сказал я. – Эту статую нужно доставить в наш Бруклинский Дом. По идее, в ней скрыт некий ключ...

– А как мы его будем искать? – спросил Уолт. – К тому же вы до сих пор еще не объяснили, для чего нам так сильно нужна эта самая «Книга Ра».

Я заколебался. Вообще-то, мы не спешили рассказывать нашим ученикам некоторые вещи, даже Жас и Уолту. Например, про то, что весь мир может погибнуть всего через пять дней. Такие вещи очень отвлекают от учебы.

– Я все объясню, когда мы вернемся, – пообещал я. – А сейчас давайте лучше подумаем, как можно вынести статую из музея.

Жас иронично приподняла брови.

– Боюсь, ко мне в сумку она вряд ли влезет.

– А мы на это и не рассчитывали, – хмыкнула Сейди. – Мы вот что сделаем. Применим к статуе заклинание левитации, потом с помощью отвлекающего маневра выгоним народ из бального зала...

– Эй, погодите, – перебил ее Уолт, наклоняясь к меньшей фигурке. Человечек улыбался, как будто искренне радовался, что его слепили из глины. – Смотрите, у него амулет на шее. Скарабей.

– Ну, это очень распространенный символ, – пожал плечами я.

– Угу, – согласился Уолт, указывая на собственную немаленькую коллекцию. – Но скарабей – это символ возрождения Ра, правильно? А эта статуя изображает, как Хнум создает новую жизнь. Может, нам и не нужна вся статуя? Может быть, ключ находится в...

– Точно! – воскликнула Сейди, тут же хватаясь за жезл. – Отличная идея!

Я готов был крикнуть: «Сейди, нет!» – но знал, что это бесполезно. Она все равно меня никогда не слушает.

Моя сестра коснулась жезлом амулета на груди человечка. Ладони Хнума тут же засветились, и голова меньшей статуи вдруг раскрылась четырьмя створками, как верхушка пусковой ракетной шахты. Из шеи человечка торчал пожелтевший от времени папирусный свиток.

– Вуаля, – гордо объявила Сейди и, небрежно сунув жезл в сумку, потянулась к свитку.

– Стой, здесь может быть ловушка! – успел крикнуть я, но она уже схватила папирус.

Я же говорил, что она никогда меня не слушает.

Как только она выдернула свиток из статуи, зал вокруг нас содрогнулся. По стеклянным витринам побежали трещины.

Сейди вдруг громко взвизгнула: свиток в ее руке полыхнул пламенем. Ни папирусу, ни Сейди волшебное пламя никакого вреда не причинило, но как только она попыталась стряхнуть его, призрачно-белые языки огня перескочили на ближайшую витрину, а потом помчались дальше через весь зал, как будто кто-то разлил в нем бензин. Когда пламя касалось окон, на стекле тут же вспыхивали белые иероглифы, наверняка активируя сразу кучу защитных заклятий. Потом призрачный огонь добрался до фриза у входа в зал, и тяжелая каменная плита резко вздрогнула. Отсюда я не видел, что творилось с резными фигурами на той стороне фриза, но до меня вдруг донесся пронзительный скрежещущий вопль – так мог бы кричать очень большой и очень разозленный попугай.

Уолт поспешно вытащил из сумки магический посох. Сейди испуганно пыталась стряхнуть пламенеющий свиток, но тот словно прилип к ее руке.

– Снимите с меня эту штуку! – вопила она. – Я же ни в чем не виновата!

– Э-э... – неуверенно подала голос Жас, вынимая из сумки жезл. – А что это был за звук? Мое сердце упало.

– Кажется, – сказал я, – отвлекающий маневр Сейди удался.

2

Мы приручаем колибри весом в семь тысяч фунтов

Картер

Несколько месяцев назад события развивались бы совсем иначе. Сейди тогда была способна учинить одним-единственным словом мощный взрыв, а я мог принять облик могучего светящегося воина, которого мало кто мог одолеть.

Но для этого нам надо было полностью слиться с богами, которые в нас вселились: в меня – Гор, а в Сейди – Исида. Мы отказались от этого могущества, потому что все время носить в себе египетских богов слишком опасно. По крайней мере пока мы не научимся как следует контролировать собственные магические способности, иначе избыток магии может свести нас с ума или даже просто сжечь дотла, превратив в горстку пепла.

Так что теперь мы располагали только собственным магическим резервом, причем весьма ограниченным. И сейчас, когда на нас готовилось напасть внезапно ожившее древнее чудовище, недостаток магии ощущался особенно остро.

Грифон выступил из-за фриза, позволяя разглядеть себя целиком. Размером он был примерно вдвое больше обычного льва. Красновато-золотистую кожу густо присыпало каменной пылью. Нервно подергивающийся хвост был весь утыкан жесткими перьями, прочными и острыми, как кинжалы. Когда грифон взмахнул хвостом чуть сильнее, каменная плита, из которой он вышел, рассыпалась в крошку. Колючие крылья чудища сейчас торчали вертикально вверх, и, когда грифон двигался, они трепетали с такой частотой, что с пронзительным гудением сливались в сплошное размытое пятно, как у немыслимо огромного и невероятно злобного колибри.

Голодные глаза грифона уставились на Сейди. Ее рука со свитком все еще была объята белым пламенем, которое целиком приковало к себе внимание монстра. До сих пор мне не раз приходилось слышать крики соколов, – да что скрывать, мне и самому доводилось превращаться в эту птицу! – но когда эта жуткая тварь разинула клюв, от ее пронзительного вопля задрожали оконные стекла, а волосы у меня на затылке поднялись дыбом.

– Сейди, – сказал я, – брось свиток.

– Ты что, не видишь? Он прилип ко мне намертво! – огрызнулась Сейди. – Я вообще вся в огне! Неужели не заметно?

Теперь языки белого пламени плясали на каждом окне и каждом экспонате. Похоже, свиток умудрился пробудить все запасы египетской магии, какие только были в этом зале, и я не сомневался, что нам это ничего хорошего не обещает. Уолт и Жас совсем оцепенели от ужаса, и тут их винить, конечно, не за что: они ведь видели настоящего монстра впервые.

Грифон сделал шаг в сторону моей сестры.

Я тут же встал с ней плечом к плечу и исполнил тот единственный магический трюк, который удавался мне в любых ситуациях: мысленно проник в Дуат и извлек из него свой меч – египетский *хонеш* с безупречно-острым загнутым лезвием. Со стороны это всегда выглядит так, будто я достаю его прямо из воздуха.

Сейди так и стояла с поднятой пылающей рукой со свитком, как пародия на статую Свободы, но свободной рукой все-таки ухитрилась призвать свое любимое орудие нападения: пяти-футовый посох с гравировкой в виде иероглифов.

– Как вообще полагается драться с грифонами? – негромко спросила меня сестра. – Идеи есть?

– М-м... постарайся избегать его острых частей, – разродился я советом.

– Гениально. Сама бы не догадалась.

– Уолт, – окликнул я ученика, – проверь окна. Может, сумеешь их открыть?

– Н-но они же з-зачарованы.

– Разумеется, – не стал спорить я. – Но если мы попытаемся сбежать через бальный зал, грифон успеет сожрать нас по дороге.

– Т-тогда я п-проверю окна.

– Жас, помоги Уолту, – велел я.

– Те иероглифы на стекле, – пробормотала Жас. – Кажется, я их уже где-то видела...

– Давайте за дело, – перебил я ее.

Пусть лучше чем-нибудь займутся, чем просто трясутся от ужаса.

Грифон сделал первый выпад. Его бешено бьющие крылья издавали вибрирующий визг, как цепные пилы. Сейди метнула в него свой посох, который прямо на лету превратился в тигра. Тигр тут же бросился на грифона, выпустив громадные когти.

Грифон ни капельки не впечатлился. Одним движением он отшвырнул тигра в сторону, потом вдруг прынул на него с умопомрачительной быстротой и неестественно широко распахнул клюв. ЩЕЛК. В мгновение ока тигр исчез в клюве. Грифон слотнул и удовлетворенно рыгнул.

– Эй, это был мой любимый посох! – возмутилась Сейди.

Грифон перевел взгляд на меня.

Я крепче стиснул рукоять меча, и его лезвие засветилось магическим светом. Как жаль, что сейчас я не слышал в собственной голове голос Гора: иногда его советы и понукания здорово меня бесили, но все-таки, когда в тебе сидит твой личный бог войны, гораздо легче решаться на всякие глупые подвиги.

– Уолт! – крикнул я. – Что там с окном?

– Я стараюсь, – отозвался он.

– П-подождите, – нервно сказала Жас. – Это же символы Сехмет. Уолт, не открывай!

Дальше случилось несколько вещей сразу. Уолту наконец удалось распахнуть окно, и волна белого огня нахлынула на него, сбив с ног и повалив на пол.

Жас бросилась к нему. Грифон тут же забыл про меня и, как всякий нормальный хищник, заинтересовался движущейся мишенью, то есть Жас.

Чудовище метнулось к ней, а я бросился за ним. Но почему-то вместо того, чтобы склевать наших учеников, грифон взлетел, промчался над головами Уолта и Жас и с силой врезался в оконное стекло. Жас еле успела оттолкнуть Уолта в сторону, когда беснующийся грифон принялся яростно молотить белый огонь лапами, крыльями и клювом.

Он атаковал не людей, а пламя! Злобно щелкая клювом, грифон перекувырнулся в воздухе, сбив целую витрину с *шабти* и задев хвостом саркофаг, который тут же развалился на куски.

Не знаю, что на меня нашло, но я неожиданно для себя самого крикнул:

– А ну прекрати!

Грифон замер, а потом повернулся и посмотрел на меня, раздраженно клекоча. Завеса белого огня отхлынула от витрин и отступила в самый угол зала, как будто перегруппировываясь для новой атаки. Я заметил, что отдельные языки пламени сливаются воедино, образуя

подобие огненных человеческих фигур. Одна из них повернулась ко мне, и я сразу почувствовал исходящую от нее враждебность.

– Картер, отвлеки его, – сказала Сейди. Не замечая огненных фигур, она неотрывно смотрела на грифона, свободной от свитка рукой вытаскивая из кармана кусок волшебной бечевки. – Сейчас я подберусь к нему поближе, и...

– Сейди, подожди.

Я все пытался понять, что происходит. Уолт распластался навзничь на полу, дрожа всем телом. Его глаза светились белым светом, как будто магический огонь проник внутрь него. Жас склонилась рядом, бормоча исцеляющее заклинание.

– РАААУК! – жалобно заклекотал грифон, словно прося разрешения снова броситься на пламя. Мой приказ остановиться ему явно не нравился, но что-то вынуждало его подчиниться.

Огненные фигуры тем временем становились все ярче и как будто плотнее. Я насчитал семь сияющих силуэтов, у которых уже начали проявляться руки и ноги.

Семь фигур... и Жас что-то говорила насчет символов Сехмет... Меня охватил ужас. Так вот, значит, какое заклятье охраняет этот музей. Грифон – это так, случайная помеха. Настоящая опасность кроется вовсе не в нем.

Сейди швырнула в грифона свою бечевку.

– Стой! – крикнул я, но было уже поздно. Волшебная бечева взмыла в воздух, одновременно удлиняясь и превращаясь в невероятно крепкую веревку, которая змеей устремилась к грифону.

Тот сердито заверещал и бросился к огненным фигурам. Фигуры рассыпались в разные стороны, и тут начался подлинный кошмар.

Бешено молотя крыльями, грифон метался по всему залу, снося витрины и экспонаты. Оглушительно выла сигнализация. Я орал грифону, чтобы он остановился, но тот меня больше не слушался.

Краем глаза я успел заметить, как Жас повалилась на пол: наверное, целительные заклинания истощили все ее силы.

– Сейди! – крикнул я. – Помоги ей!

Сейди побежала к Жас, а я принялся гоняться за грифоном. Должно быть, вид у меня был совершенно безумный: в черной пижаме, со светящимся мечом в руке, я скакал по разнесенным вдребезги египетским древностям, выкрикивая нелепые команды гигантскому полульву-полуколибри.

И только я успел подумать, что хуже быть уже не может, как из-за поворота коридора показалось с полдюжины гостей со свадьбы: надо думать, решили поглядеть, что тут за шум. Мужчины дружно застыли, открыв рот, а подружка невесты в персиковом платье вытаращила глаза и пронзительно завопила.

Семь раскаленных добела огненных фигур двинулись напрямик на гостей и как будто прошли сквозь них. Люди тут же повалились на пол без сознания. Огонь устремился к бальному залу, безошибочно поворачивая в нужных местах. Грифон умчался вслед за ним.

Я оглянулся на Сейди, которая стояла на коленях возле Жас и Уолта.

– Эй, как они там?

– Уолт вроде приходит в себя, – отозвалась сестра. – Но Жас совсем отключилась.

– Если можешь, пойдем со мной. Кажется, я могу управлять грифоном.

– Картер, ты совсем спятил? Наши друзья сильно пострадали, у меня этот горящий свиток, от которого я не могу избавиться... Окно открыто. Помоги мне, мы должны вытащить Уолта и Жас отсюда!

В общем-то, она была права. Возможно, это был наш единственный шанс вытащить наших учеников из этой переделки живыми. Но теперь я знал, что это за семь огненных фигур, и понимал, что, если их не остановить, может пострадать множество невинных людей.

Я выругался про себя на древнеегипетском – очень помогает отвести душу! – и побежал в бальный зал.

Там уже царил настоящий хаос. Гости метались кто куда, панически вопя и сшибая столы. Какой-то парень в смокинге поскользнулся на сбитом на пол торте и теперь ползал вокруг с прилипшими к задку пластиковыми украшениями в виде фигурок жениха и невесты. Один из музыкантов ковылял, застряв одной ногой в пробитом насквозь барабане.

Белые огненные фигуры уплотнились настолько, что теперь я хорошо мог разглядеть их облик – полулюди-полусобаки, с длинными руками и кривыми ногами. Они светились, как раскаленный газ, и проворно сновали по всему залу, ловко огибая окружающие танцплощадку колонны. Одна фигура проскочила прямо сквозь подружку невесты. Глаза женщины тут же побелели, как молоко, и она скрючилась на полу, дрожа и мучительно кашляя.

Я вконец растерялся, не зная, что предпринять. Если и существуют заклинания, которыми можно воевать с этими огненными тварями, я их не знал. А если хоть одна из них коснется меня...

Откуда-то сверху вдруг налетел грифон. За ним по-прежнему гонялась веревка Сейди, пытаюсь связать его. На моих глазах чудовище ухватило клювом одну из огненных фигур, проглотило ее и снова взмыло в воздух. Из ноздрей грифона вырывались струйки дыма, но в остальном, кажется, магический белый огонь ничуть ему не повредил.

– Эй! – крикнул я.

И зря. Жаль, что я, как всегда, сообразил это слишком поздно.

Обернувшись на мой голос, грифон чуть замедлил полет, и веревка Сейди обвилась вокруг его задних лап.

– СКВОООК! – С громким клекотом грифон налетел на заставленный едой стол. Вережка все удлинялась, стягивая тело чудовища новыми петлями, пока его мощные крылья разносили в труху стол, пол и тарелки с бутербродами, как взбесившаяся молотилка.

Людей в зале почти не осталось. Большая часть гостей побежала к лифтам, но около десятка человек остались лежать на полу. Одни были без сознания, а другие, с белым светом из глаз, дрожали и бились в конвульсиях. Кого-то завалило обломками, из-под которых было не выбраться без посторонней помощи. Заглушая их крики, пронзительно выли сирены сигнализации. Огненные фигуры, которых теперь осталось шестеро, продолжали сеять хаос.

Я бросился к грифону, который бестолково катался по полу, тщетно пытаюсь перекусить веревку.

– Да угомонись ты! – прикрикнул я на него. – Дай мне помочь тебе, дурила!

– ФРИИИИИК! – тоскливо отозвался грифон, едва не снес мне хвостом голову.

Я сделал глубокий вдох и попытался сосредоточиться. Моя стихия – это боевая магия. Иероглифические заклинания всегда давались мне с трудом, но сейчас я направил свой меч на чудовище и произнес:

– *Ха-мен.*

В воздухе над самым острием вспыхнул зеленый иероглиф, означающий «пребуй в покое»:

Грифон перестал биться, биение его крыльев слегка замедлилось. В зале по-прежнему что-то с грохотом падало, слышались отчаянные крики, но я постарался подойти к чудовищу как можно спокойнее.

– Ты ведь узнаешь меня, верно? – Я протянул ладонь, и над ней вспыхнул символ, который я мог вызвать в любой момент, – мой знак, Глаз Гора:

– Ты – священное животное Гора, так? Вот почему ты мне подчиняешься.

Грифон, мигая птичьими глазами, внимательно посмотрел на знак бога войны. Потом взъерошил перья на шее, жалобно вскрикнул и снова забился под веревкой, которая обматывалась вокруг него все туже.

– Знаю, знаю, – проворчал я. – Моя сестрица – бестолочь. Полежи спокойно, я тебя развяжу.

– Картер! – раздался у меня за спиной голос Сейди.

Обернувшись, я увидел, как они с Уолтом плетутся ко мне, волоча под руки бессильно обвисшую Жас. Сейди по-прежнему изображала статую Свободы, подняв руку с пламенеющим свитком. Уолт кое-как держался на ногах, и жуткое белое сияние пропало из его глаз, а вот Жас была совсем плоха. Можно подумать, все кости ее тела вдруг превратились в желе.

Неуклюже увертываясь от огненных фигур и нескольких обезумевших от паники гостей, они пробрались через разгромленный зал и подошли ко мне.

Уолт зачарованно уставился на грифона.

– Как это тебе удалось его усмирить?

– Грифоны служат Гору, – сказал я. – Во время сражений они возят его боевую колесницу. Наверно, он почувствовал мою связь с ним.

Грифон нетерпеливо заверещал и хлестнул хвостом, обвалив очередную каменную колонну.

– Не очень-то он успокоился, – заметила Сейди. Потом задрала голову и посмотрела на стеклянный купол в сорока метрах у нас над головой, где взволнованно металась крошечная фигурка Хуфу. – Мы должны вытащить отсюда Жас. Немедленно.

– Я в порядке, – невнятно пробормотала та, приоткрывая глаза.

– Нет, не в порядке, – отрезал Уолт. – Картер, она изгнала из меня огненного духа, но сама при этом чуть не умерла. Это демон, навлекающий болезни...

– *Бау*, – кивнул я. – Злой дух. А эти семеро называются...

– Стрелы Сехмет, – сказала Жас, подтверждая мои самые худшие опасения. – Духи бедствий, порождения богини-воительницы. Я могу их остановить.

– Сейчас тебе нужно только отдыхать, – строго сказала Сейди.

– Правильно, – согласился я. – Сейди, давай снимай с грифона свою веревку, и...

– Нет времени, – перебила Жас, кивая в сторону *бау*.

Мы проследили за ее взглядом. Огненные фигуры стали крупнее и ярче. Еще несколько гостей повалились на пол без сознания, а огненные духи продолжали безнаказанно носиться по залу.

– Если я не остановлю *бау*, люди погибнут, – сказала Жас. – Я могу направить силу Сехмет так, чтобы она загнала их обратно в Дуат. Меня ведь именно этому учили.

Я заколебался. До сих пор Жас никогда не бралась за такие сложные заклинания, и к тому же исцеление Уолта уже отняло у нее много сил. Но то, что она предлагала... она ведь действительно училась именно этому. Наверно, на первый взгляд может показаться странным, что маги-целители изучают путь Сехмет – богини разрушения, голода и всяческих бедствий. С другой стороны, если подумать, кому как не целителям надлежит уметь контролировать ее силы и все ее порождения, включая *бау*?

Ну а кроме того... даже если я освобожу грифона, я не был прямо уж на сто процентов уверен, что смогу подчинить его своей воле. Нельзя отвергать шанс, пусть даже самый крохотный, что от возбуждения он кинется клевать не огненных духов, а нас самих.

С улицы слышался приближающийся вой полицейских сирен. Времени оставалось всего ничего.

– У нас нет другого выбора, – настаивала на своем Жас.

Она вынула из сумки свой жезл, а потом, к полнейшему потрясению моей сестрицы, поцеловала Уолта в щеку и сказала:

– Все будет в порядке, Уолт. Держись.

Потом, чуть покопавшись в сумке, она достала из нее еще что-то – какую-то маленькую восковую фигурку – и решительно вложила ее в свободную руку Сейди.

– Скоро это тебе понадобится, – сказала она ей. – Прости, больше я ничем не смогу помочь. Когда придет время, ты поймешь, что нужно сделать.

Сейди так опешила, что даже не нашла слов ответить. Редкий случай, кстати.

Покончив с разговорами, Жас сосредоточилась. Выбежав на середину зала, она коснулась жезлом пола и прочертила вокруг своих ног защитный круг. Потом достала из сумки небольшую статуэтку Сехмет, своей богини-покровительницы, и подняла ее в вытянутой руке.

Стоя в центре круга, она начала напевно читать заклинание. Вокруг нее вспыхнул красный свет. Извивающиеся щупальца энергии протянулись из круга по всему залу, заполняя его, как ветки раскидистого дерева. Потом щупальца начали кружиться – сначала медленно и плавно, а затем постепенно набирая скорость. Магический водоворот захватил оставшихся *бау* и потащил к центру воронки. Духи визжали и сопротивлялись, пытаясь перебороть заклинание. Жас уже шаталась от невероятного напряжения, но продолжала петь. Ее лицо блестело от пота, статуэтка в поднятой руке подрагивала.

– Мы можем чем-то ей помочь? – с тревогой прошептал Уолт.

– РРААУУУК! – подал голос грифон, напоминая о себе.

Полицейские сирены надрывались уже совсем близко, у самого музея. Внизу, в лифтовом холле, кто-то кричал в мегафон, призывая последних гостей свадебных торжеств немедленно покинуть здание. Как будто их нужно было подгонять... Значит, полиция уже здесь. Да уж, если нас арестуют, трудновато будет объяснить, что здесь произошло.

– Сейди, приготовься, – велел я. – Как только я скажу, отзови свою магическую веревку и освободи грифона. Уолт, твой амулет с лодкой при тебе?

– С лодкой?.. Ага, при мне. Только зачем... тут ведь нет воды.

– Не спорь. Просто призови лодку.

Порывшись в карманах, я достал свой собственный обрывок бечевки, пробормотал над ним заклинание и тут же увидел у себя в руках моток крепкой веревки. Футов двадцать... должно хватить. Сделав посередине свободную петлю наподобие галстучного узла, я осторожно приблизился к грифону.

– Сиди спокойно, – сказал я ему. – Я просто собираюсь надеть это тебе на шею.

– ФРИИИИК! – пронзительно отозвался грифон. Кажется, мои намерения ему не очень понравились.

Я подобрался еще поближе, ни на секунду не забывая о том, с какой молниеносной быстротой гигантский острый клюв может схватить меня, если захочет. Грифон настороженно таращился на меня, но не шевелился, и я с первой попытки набросил петлю ему на шею.

А потом что-то пошло не так. Время вдруг замедлилось, красные извилистые щупальца заклинания стали двигаться вяло, будто воздух вдруг превратился в густой сироп. Крики людей и завывания сирен внезапно отдалились и теперь казались невнятным приглушенным шумом.

– *Ничего у тебя не выйдет*, – прошипел чей-то голос.

Я обернулся и оказался лицом к лицу с *бау*.

Он парил в воздухе всего в нескольких дюймах от меня, так что я без труда различал черты его огненно-белого лица. Я готов был поклясться, что где-то видел его раньше. Дух оскалился в злобной усмешке.

– *Хаос слишком силен, мальчишка. Тебе его не одолеть*, – сказал он. – *Ты не сможешь управлять всем миром. Прекрати свои поиски!*

– Заткнись, – пробормотал я. Сердце чуть не выскакивало у меня из груди.

– *Тебе никогда ее не найти*, – продолжал дух насмешливо. – *Сейчас она спит в Красных Песках, но если ты, упрямый глупец, и дальше будешь разыскивать ее, она умрет.*

У меня как будто тарантул по спине пробежал. Я понял, что дух говорит про Зию Рашид – настоящую Зию. Я действительно пытался разыскать ее с самого Рождества.

– Неправда, – сказал я. – Ты же демон. А значит, обманщик.

– *Тебе виднее, мальчишка. Вспомни, мы уже встречались с тобой раньше.*

– Заткнись! – рявкнул я уже погромче, а потом вызвал свой символ – Глаз Гора, и дух рассерженно зашипел. Время снова ускорилося. Красные щупальца заклинания Жас опутали яростно вопящего демона и утащили в воронку.

Кажется, никто вокруг не заметил, что произошло.

Сейди оборонялась, отбиваясь от *бау* своим полыхающим свитком, если кто-то из них оказывался в пределах досягаемости. Уолт положил амулет с изображением лодки на пол и произнес магический приказ. В считанные секунды амулет вдруг принялся увеличиваться наподобие тех дурацких игрушек, которые раздуваются при попадании в воду, и вскоре на обломках стола с закусками покоился самый настоящий египетский тростниковый челн.

Трясущимися руками я ухватился за веревку на шее грифона и привязал один ее конец к носу лодки, а другой к корме.

– Картер, смотри! – крикнула Сейди.

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как водоворот энергии с ослепительной алой вспышкой схлопнулся, втянув всех шестерых *бау* в магический круг Жас. Красное свечение погасло. Жас пошатнулась и рухнула на пол, жезл и статуэтка Сехмет в ее руках рассыпались в пыль.

Мы опрометью бросились к ней. Одежда Жас дымилась, и мы даже не могли понять, дышит она или нет.

– Давайте отнесем ее в лодку, – сказал я. – Пора убираться отсюда.

Откуда-то сверху донесся негромкий скрип: Хуфу открыл купол и теперь с тревогой указывал на лучи прожекторов, пронизывающих ночное небо над его головой. Ясно. Музей наверняка окружен машинами полиции и «Скорой помощи».

Люди в зале постепенно приходили в себя, неуверенно поднимаясь с пола. Вроде бы все целы... Жас спасла их. Вот только какой ценой? Мы подтащили ее к лодке и забрались внутрь.

– Держитесь крепче, – предупредил я. – Эта штукавина очень неустойчивая. Если она опрокинется...

– Эй! – рявкнул позади нас чей-то суровый бас. – Что вы здесь... А ну, ни с места!

– Сейди, веревка! – скомандовал я. – Сейчас!

Сестра щелкнула пальцами, и путы упали. Грифон был свободен.

– Давай! – завопил я. – Вверх, пошел!

– ФРИИИИК! – торжествующе крикнул грифон, расправляя крылья.

Нас рвануло вверх. Отчаянно болтаясь, лодка взмыла под крышу и проскочила сквозь открытый купол. Грифон, кажется, даже не заметил, что тащит лишний груз. Он набирал высоту с такой скоростью, что Хуфу удалось уцепиться за борт только благодаря гигантскому прыжку. Я кое-как втащил его в лодку, и мы что было сил вцепились в борта, стараясь не вывалиться.

– Агх! – пожаловался Хуфу.

– Точно, – согласился я с павианом. – Многовато суеты для простой работенки.

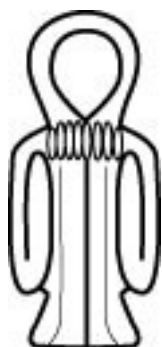
Что ж, очередной день из жизни семьи Кейн. И как оказалось впоследствии, самый легкий и приятный из долгой череды дней, следовавших за ним.

Каким-то образом грифон знал, куда нужно лететь. Время от времени он радостно вскрикивал, паря в холодном, пропитанном дождем ночном небе. Странное дело – чем ближе мы оказывались к дому, тем ярче разгорался свиток в руке Сейди. Глянув вниз, я обнаружил, что призрачно-белое пламя следует за нами, вспыхивая на каждой крыше Бруклина.

«Что же мы такое украли? – задумался я. – Даже если это тот самый ключ, который нам нужен... как бы от него не стало еще больше проблем». В любом случае меня не оставляло ощущение, что на этот раз мы испытываем нашу удачу слишком уж настойчиво.

3

«Мороженщик» планирует нашу гибель

Сейди

Странно, как легко человек может забыть, что у него горит рука.

Ох, простите. Это я, Сейди. Вы же не думали, что я позволю вам выслушивать занудную болтовню своего братца бесконечно? Я все-таки не зверь. Никто не заслуживает такого наказания.

Мы вернулись в свой Бруклинский Дом, все обитатели которого тут же столпились вокруг меня, завороченно уставившись на прилипший к моей руке горящий свиток.

– Со мной все в порядке! – уверяла я. – Позаботьтесь лучше о Жас!

Сказать по правде, я совсем даже не против, когда мне уделяют некоторое внимание, но на этот раз даже я готова была признать, что моя пылающая рука – далеко не самое важное. Мы приземлились прямо на крышу нашего особняка, который и сам по себе – не такое уж обычное явление. Внешне он выглядит как пятиэтажное кубическое сооружение из известняка и стали, нечто среднее между древнеегипетским храмом и художественным музеем. При этом расположен он на крыше заброшенного складского здания в Бруклине, на берегу Ист-Ривер. Наверно, стоит упомянуть, что особняк скрыт магической защитой, которая делает его невидимым для простых смертных.

Сверху было хорошо видно, что весь Бруклин полыхает огнем. Мой чертов свиток привел призрачное пламя за собой, прочертив целую огненную дорогу через город по пути нашего следования от музея до дома. Пламя не было горячим, поэтому настоящих пожаров не возникло и никто из людей не пострадал, зато панику оно вызвало изрядную. Выли сирены, люди высыпали на улицы, растерянно таращась на объятые огнем крыши. В небе нарезали круги вертолеты, обшаривая город прожекторами.

Дополнительную суету в происходящее вносил мой братец, который бестолково орал на грифона, пытаясь одновременно отвязать его от лодки и не дать ему сожрать наших учеников.

Хотя наибольшую тревогу, конечно, вызвала Жас. Мы сумели убедиться, что она дышит, но привести ее в сознание никак не удавалось. Она как будто впала в глубокую кому. Когда мы попытались заглянуть ей под веки, оказалось, что ее глаза светятся белым светом, а это уж точно скверный симптом.

Пока мы болтались между небом и землей в лодке, Хуфу попробовал применить к ней что-то из своей знаменитой павианьей магии: похлопывал ее ладонью по лбу, глухо ворчал и пытался засунуть ей в рот мармеладное драже. Не сомневаюсь, он всячески хотел ей помочь, но особого успеха так и не добился.

Теперь от нее не отходил Уолт. Он бережно уложил ее на носилки, укутал одеялами и сидел рядом, поглаживая ее по волосам и не обращая внимания на крутившихся вокруг остальных учеников. Что ж, и замечательно. Правда, очень хорошо.

Я даже и не обращала внимания, какое у него приятное лицо, особенно в лунном свете, и какие у него мускулистые руки в этой майке без рукавов. И как он держал Жас за руку, я тоже совсем не вспоминала, и...

Ох, простите. Что-то я отвлеклась.

Выбрав на крыше уголок поукромнее, я устало плюхнулась где стояла, чувствуя себя выжатой как лимон. Правая рука зудела от надоевшего до смерти папируса, который так и не отлипал. От магического пламени покалывало пальцы.

Пошарив свободной рукой в левом кармане, я извлекла из него восковую фигурку, которую вручила мне Жас. Маги-целители часто используют такие фигурки, чтобы изгонять из тела пациента болезни или злые заклятия. Обычно эти восковые статуэтки сделаны довольно грубо, лишь приблизительно отражая черты человеческого лица, но над этой Жас немало потрудились, придав ей индивидуальность, а следовательно, и особую магическую силу. Скорее всего, ее полагалось использовать в особо опасных ситуациях, когда речь шла о жизни и смерти. Мне сразу стало ясно, что эта статуэтка предназначена для исцеления совершенно определенного человека: я без труда узнала курчавые волосы, знакомые черты лица и даже меч, зажатый в ее руках. А чтобы не возникло никакой ошибки, Жас даже написала на груди фигурки имя: КАРТЕР.

«Скоро это тебе понадобится», – сказала она мне.

Насколько мне было известно, Жас не обладала даром прорицания. Значит, заглядывать в будущее она не умеет. Тогда что же она имела в виду? И откуда я узнаю, когда нужно воспользоваться этой фигуркой? Глядя на миниатюрную копию Картера, я вдруг с испугом почувствовала, будто его жизнь и в самом деле в моих руках.

– Ты в порядке? – раздался рядом женский голос.

Я торопливо спрятала фигурку и обернулась.

Рядом стояла Баст, старая верная подруга. Желтые глаза мерцают, на губах играет легкая улыбочка, так что не поймешь: не то она чем-то озабочена, не то, наоборот, от души развлекается. С богиней-кошкой никогда не знаешь, что у нее на уме. Черные волосы она зачесала в конский хвост на затылке, а оделась, по обыкновению, в облегающий комбинезон леопардовой расцветки, как будто собралась заняться акробатикой. Впрочем, этому я бы тоже не удивилась. Как я уже говорила, никогда не знаешь, чего ждать от кошек!

– Да, в полном порядке, – соврала я. – Только вот...

Я беспомощно помахала объятая пламенем рукой.

– Хмм. – При виде свитка Баст как будто слегка напряглась. – Давай-ка посмотрим, что тут можно сделать.

Она присела рядом со мной и негромко запела какое-то незнакомое заклинание.

А я сидела и думала: до чего странно видеть, как надо мной колдует моя бывшая кошка. Дело в том, что Баст несколько лет провела со мной под видом моей пушистой любимицы Пышки. А я и не догадывалась, что по ночам на моей подушке нахально дрыхнет самая настоящая богиня! Только потом, когда наш папа случайно выпустил на волю несколько богов, устроив взрыв в Британском музее, Баст обнаружила свою истинную сущность.

Потом она рассказала, что присматривала за мной целых шесть лет – с тех самых пор, как мои родители освободили ее из заточения в Дуате, где она была обречена вести вечную битву со змеем Апопом – воплощением хаоса.

В общем, это долгая история. Вкратце скажу только, что моя мама, одаренная прорицательница, предвидела, что Апоп однажды вырвется из своей тюрьмы, и тогда всему миру грозит гибель. Если Баст и дальше будет продолжать биться с ним в одиночку, она ослабеет и проиграет бой. Зато если она выйдет на свободу, то сыграет очень важную роль в грядущей битве с силами хаоса. Поэтому мои родители освободили ее прежде, чем Апоп сумел одолеть ее. Во время тяжелейшего магического обряда, открывающего, а затем закрывающего темницу

Апопа, моя мама погибла. Естественно, Баст после этого чувствовала себя в долгу перед нашей семьей и принесла клятву оберегать меня.

Так она стала нашей с Картером наставницей, верной спутницей, а иногда еще и личным поваром. (На заметку: если она предложит вам свое «фирменное блюдо», не спешите соглашаться. Оно точно будет из кошачьего корма.)

Но я, признаюсь, иногда сильно скучала по Пышке. Мне приходилось сдерживаться, чтобы не почесать Баст за ушком или не угостить ее чем-нибудь вкусненьким вроде кошачьих сухариков. Зато здорово, что теперь моя подушка принадлежит исключительно мне.

Голос Баст умолк. Языки магического пламени погасли, и мои сведенные судорогой пальцы наконец разжались. Скрученный листок папируса упал мне на колени.

– Слава богу, – вздохнула я с громадным облегчением.

– Богине, – лукаво поправила меня Баст. – Не стоит благодарности. Ни к чему тратить силу Ра на городскую иллюминацию, как думаешь?

Я окинула взглядом раскинувшиеся под нами кварталы. Призрачный огонь и в самом деле исчез, и теперь ночной Бруклин выглядел вполне нормально, не считая мигающих кое-где маячков «Скорой помощи» и взбужденной толпы на улицах. Впрочем, учитывая обстоятельства, это тоже можно было считать вполне нормальным.

– Ты сказала – сила Ра? – спохватилась я. – Но я думала, этот свиток – всего лишь ключ к поиску «Книги Ра»... А выходит, это она и есть?

Хвостик на затылке Баст вдруг распушился и встал торчком. Обычное дело, когда она нервничает. Я уже давно догадалась, что она закалывает волосы в хвост именно для того, чтобы они не вставали у нее дыбом, как иглы морского ежа, стоит ей чуть-чуть утратить душевное равновесие.

– Точнее, этот свиток – часть книги, – сказала она с неохотой. – Я ведь тебя предупреждала, что сила Ра почти не поддается контролю. Если вы и дальше будете пытаться разбудить его, то наверняка навлечете на себя беду. В следующий раз огонь бога солнца может оказаться не таким безобидным.

– Но ведь он твой фараон, – удивилась я. – Разве ты не хочешь, чтобы он очнулся от вечного сна?

Баст опустила взгляд, и я поняла, какую глупость сморозила. Да, действительно, Ра был господином и повелителем Баст. Давным-давно он избрал ее своим лучшим бойцом, и она невероятно гордилась этим. И одновременно он же заточил ее в темную бездну, где она должна была вести нескончаемую битву со злейшим врагом Ра, змеем Апопом, чтобы бог солнца мог с чистой совестью удалиться на покой. На мой взгляд, довольно эгоистичный поступок.

Благодаря помощи моих родителей Баст спаслась из заточения. Но это означало, что она пренебрегла своим долгом, оставила свой пост. Неудивительно, что теперь она ожидает новой встречи со своим бывшим повелителем со смешанными чувствами.

– Давай лучше поговорим об этом утром, – свернула разговор Баст. – Тебе нужно как следует отдохнуть. Да и этот свиток лучше раскрывать при свете дня, когда сила Ра лучше поддается управлению.

Я покосилась на папирусный свиток у меня на коленях, который все еще дымился.

– Лучше поддается... То есть я больше не загорюсь?

– Теперь его можно брать в руки без всякой опаски, – заверила меня Баст. – Этот свиток пролежал в темноте много тысячелетий, от этого его чувствительность несколько обострилась, так что он стал очень бурно реагировать на избыток любой энергии – магической, электрической или эмоциональной. Сейчас я... скажем так, отрегулировала его чувствительность, чтобы больше он так легко не вспыхивал.

Я опасливо потыкала свиток пальцем. Баст оказалась права! На этот раз он повел себя вполне прилично: не приклеился к моей ладони и не подпалил весь город.

Протянув руку, Баст помогла мне подняться на ноги.

– Иди поспи, – посоветовала она. – Я передам Картеру, что с тобой все в порядке. К тому же... – Она ухмыльнулась. – Завтра у тебя особенный день.

Верно, подумала я уныло. И единственный, кто об этом помнит, – это моя кошка.

Я напоследок оглянулась туда, где мой братец по-прежнему был поглощен укрощением грифона. Кажется, дело продвигалось не очень: из клюва грифона торчали шнурки Картеровых кроссовок, и отдавать он их явно не собирался.

Два с лишним десятка наших учеников топтались около Жас, пытаюсь разными способами привести ее в чувство. Уолт так от нее и не отходил. Почувствовав мое присутствие, он ответил мне коротким смущенным взглядом и снова повернулся к Жас.

– Пожалуй, ты права, – буркнула я, обращаясь к Баст. – Никому я тут особо не нужна.

Моя комната – лучшее место, где можно залечить душевные раны. Последние шесть лет я жила у бабушки с дедушкой, в мансарде их лондонской квартиры. Конечно, иногда я скучала по своей прежней жизни, особенно по школьным подругам Лиз и Эмме, ну и вообще по Англии. И все же моя комната в Бруклинском Доме служила огромным утешением.

Тут у меня имелся собственный балкон, выходивший на Ист-Ривер, и просторная удобная кровать, и своя ванная, которую ни с кем не приходилось делить, и даже гардеробная с бесконечным количеством новой одежды, которая появлялась сама собой и каким-то образом умудрялась сама стираться и гладиться. Полки встроенного холодильника ломались от упаковок моего любимого напитка «Рибена», который доставлялся сюда из Англии, ну и от шоколада тоже (лучшее утешение для девчонки!). Музыкальный центр был вообще круче некуда, а самое главное – все стены оказались магическим образом изолированы, так что я могла включать музыку на любую громкость, не беспокоясь о мнении моего зануды-братца, проживавшего по соседству. На комодке стояла единственная вещь, которую я привезла сюда из Лондона: старенький обшарпанный кассетный магнитофон, который когда-то давно отдали мне бабушка с дедушкой. Конечно, он безнадежно устарел, но мне почему-то было жаль с ним расставаться. Кстати, именно с его помощью мы с Картером записали наши приключения, связанные с Красной пирамидой.

Включив айпод, я пролиستала плейлисты и выбрала старенькую подборку, озаглавленную «Когда грустно». Самый подходящий для нее случай.

Первой оказалась песня Адель¹ с альбома «19». Как же давно я ее не слышала!

Неожиданно для меня самой у меня на глаза навернулись слезы. Точно – последний раз я слушала эту подборку в прошлый сочельник, когда папа и Картер приехали за мной и мы отправились в Британский музей. В тот самый вечер, когда наша жизнь изменилась круто и навсегда.

Адель умеет петь так, словно ее сердце рвется на части. Сейчас она пела про то, что влюблена и не знает, что ей сделать, чтобы ее избранник обратил на нее внимание. Что ж, это мне близко. Но в прошлое Рождество под эту песню я думала совсем о другом: о своей маме, которая умерла, когда я была совсем маленькой, и о своих отце и брате, которые беззаботно разъезжали по всему свету вдвоем, бросив меня в Лондоне с бабушкой и дедушкой, как будто я совсем ничего для них не значила.

Конечно, сейчас я знала, что на самом деле все было не так просто. Бабушка с дедушкой, которые терпеть не могли папу, отстаивали право на опеку надо мной в результате долгих судебных разбирательств. Папа однажды чуть не схватился с дедом врукопашную, так что в итоге получил возможность видеть меня всего два раза в год. Оказывается, он очень хотел остаться с нами обоими, но растить нас с Картером вместе было очень опасно из-за того, что мы могли

¹ Популярная британская певица и автор песен в стиле джаз-соул и блюз.

пробудить друг в друге мощные магические способности, еще не умея их толком контролировать. С тех пор, конечно, мы с братом сильно сблизились, да и папа стал занимать в моей жизни гораздо больше места, хотя теперь он сделался богом и царем загробного мира. А мама... маму мне довелось увидеть в облике привидения. А это все-таки лучше чем ничего, согласитесь.

Сейчас музыка снова принесла с собой всю боль и злость, которые мучили меня в прошлый сочельник. Видимо, я так и не избавилась от этих переживаний окончательно.

Я уже собиралась нажать на иконку ускоренной перемотки, но решила все-таки дослушать песню до конца. Все мои вещи были свалены на комод: папирусный свиток, восковая фигурка Картера, моя сумка с магическими принадлежностями и жезл. Я потянулась, чтобы достать посох, и тут вспомнила, что его сожрал грифон.

– Вот птичьи мозги, – выругалась я.

Пора было готовиться ко сну. Дверцы шкафа я обклеила изнутри фотографиями: в основном там были прошлогодние снимки меня со школьными подружками. На одном из них я, Лиз и Эмма корчили рожи в будке фотоавтомата на Пиккадилли. До чего же мы тогда были маленькие и глупые...

Просто не верится, что после всех этих месяцев мы с ними сможем увидеться. Бабушка и дедушка пригласили меня их навестить. По крайней мере такой был план, пока Картер не объявил, что у нас есть всего пять дней, чтобы спасти мир. Кто теперь знает, что будет завтра?

Помимо бесконечных фоток в компании Лиз и Эммы дверцы моего шкафа украшали еще два снимка. Один запечатлел нас с Картером и дядей Амосом в тот день, когда дядя уезжал в Египет на лечение после того, как в него на некоторое время вселился очень злобный бог. Соответственно и улыбка у дяди на снимке довольно вымученная.

И последняя картинка – это репродукция рисунка с изображением Анубиса. Наверняка вы хорошо его себе представляете: рослый человек с головой шакала, бог смерти и погребальных обрядов. В искусстве Древнего Египта его образ очень популярен: то он провожает души умерших в Зал Суда, а то стоит, преклонив колена, возле космических весов, на одной чаше которых лежит сердце умершего, а на другой – перо истины.

Хотите знать, почему я храню у себя этот рисунок?

(Хорошо, Картер. Я и собираюсь рассказать. Только помолчи, ладно?)

В общем... я вроде как влюбилась в Анубиса. Знаю, звучит очень глупо: современная девчонка сохнет по парню с шакальей головой, которому к тому же пять тысяч лет. Но на самом деле, когда я смотрю на рисунок, я вспоминаю его совсем не таким. В Новом Орлеане, когда мы встретились с ним наедине, он предстал передо мной парнем лет шестнадцати в черной кожаной куртке и джинсах, с взлохмаченными волосами и потрясающими глазами цвета расплавленного шоколада. И никакой оскаленной пасти, слюней, острых ушей и прочего.

Все равно глупо, я понимаю. Он же бог, а я – обычная смертная девчонка. У нас нет ничего общего. С тех пор как закончилась та история с Красной пирамидой, я не получила от него ни единой весточки. Да и чему удивляться? Хотя сначала мне казалось, что он испытывает ко мне некоторый интерес. Вроде бы он даже делал какие-то намеки... Хотя нет, вряд ли. Наверняка я сама все выдумала.

За семь недель, истекшие с того дня, как в нашем Бруклинском Доме появился Уолт Стоун, мне начало казаться, что со своими чувствами к Анубису я могу справиться. Конечно, Уолт был моим учеником, так что вряд ли между нами возможны иные отношения... И все равно, в тот день, когда мы впервые увиделись, между нами проскочила искра. Хотя теперь ясно, что Уолт отдаляется от меня с каждым днем все больше. Он вообще очень скрытный, и вид у него всегда какой-то виноватый. И он много времени проводит с Жас.

Не жизнь, а сплошное разочарование.

Я переделась в ночную рубашку, продолжая подпевать Адель. Неужели все ее песни про то, как парни ее не замечают? Что-то меня это вдруг стало раздражать.

Выключив айпод, я плюхнулась на кровать и завернулась в одеяло. Увы, стоило мне заснуть, как ночь сделалась еще менее приятной.

В нашем Бруклинском Доме мы всегда ложимся спать с соблюдением всякого рода магических мер предосторожности, призванных защитить нас от плохих снов, злых духов, а также знакомых всем душам порывов отправиться полетать без разрешения хозяина. Мне даже приходится пользоваться довольно неудобной магической подушкой, чтобы моя душа – или *ба*, как называют ее египтяне, – оставалась надежно привязанной к телу.

Однако даже эта система защиты далека от совершенства. Время от времени какие-нибудь внешние силы начинают стучаться в мое сознание, стараясь привлечь мое внимание, а иногда и моя собственная душа подавала сигнал, что хочет слетать в какое-нибудь особенно интересное место.

Именно такой сигнал получил мой мозг, как только я заснула. Наверно, его можно сравнить с входящим вызовом на мобильный телефон, который по желанию можно принять или отклонить. Обычно я стараюсь их отклонять, особенно если «абонент» оказывается незнакомым.

Но некоторые такие «звонки» могут оказаться очень важными. К тому же завтра мой день рождения. Вдруг это папа с мамой пытаются «дозвониться» до меня из потустороннего мира? Я представила себе их вдвоем в Зале Суда: отец сидит на троне в облике синекожего бога Осириса, а мама рядом с ним в призрачно-белых одеждах. У обоих на голове картонные праздничные колпаки, они хором распевают «С днем рожденья тебя», а Ават-Пожирательница, крохотный ручной монстр, подскакивает на коротких ножках, радостно твякая.

Или же... вдруг это Анубис? Звонит, чтобы сказать что-нибудь вроде: «Гм, привет, как насчет того, чтобы сходить вместе на похороны или еще куда-нибудь?»

Ну вдруг?

Поэтому я приняла «звонок» и позволила своей душе покинуть тело и лететь туда, куда ей захочется.

Если вы никогда не путешествовали в виде *ба*, то не советую и пробовать, если только, конечно, вы не против превратиться в призрачную курицу, безвольно плывущую по прихоти течений Дуата.

Обычно *ба* невидимы для других, и, на мой взгляд, это совсем неплохо, потому что обычно человеческий *ба* выглядит как огромная птица с вашей собственной головой. Было время, когда я умела придать своему *ба* более приличный облик, но с тех пор, как Исида ушла из моего тела, я утратила эту способность. И теперь, отправляясь в ночные странствия, вынуждена принимать птичью форму «по умолчанию».

Балконные двери мягко распахнулись, выпуская меня, и свежий ночной ветер подхватил и понес меня вдаль. Огни Нью-Йорка растаяли далеко позади, и вскоре я обнаружила себя в уже знакомом мне подземном зале: Зале Эпох, находящемся в главной обители магов Дома Жизни под Каиром.

Зал был таким длинным, что в нем впору было проводить марафонские забеги. Посередине его лежала синяя ковровая дорожка, мерцающая, как река. Между колоннами по обеим сторонам зала колыхались световые завесы, на которых проступали голографические картины, изображающие эпизоды из долгой истории Египта. Разные эпохи этой истории светились разным цветом, от ярко-белого сияния Эпохи Богов до малинового свечения современности.

Своды зала поднимались еще выше, чем купол в бальном зале Бруклинского музея, и все это обширное пространство было освещено парящими в воздухе, как мыльные пузыри, светящимися шарами и огненными иероглифами. Как будто где-то в невесомости лопнул пакет с сухими фигурными хлопьями для детских завтраков, которые теперь медленно кружили в воздухе, время от времени сталкиваясь друг с другом.

Я пролетела в дальний конец зала, туда, где на небольшом возвышении находился трон фараона. Сейчас это был всего лишь символ, пустовавший уже много столетий, однако на ступенях возле трона сидел Верховный Чтец, правитель Первого Нома, глава Дома Жизни и мой самый нелюбимый маг по имени Мишель Дежарден.

Я не видела месье Обаяшку с самой битвы за Красную пирамиду и теперь очень удивилась, заметив, как он постарел. Титула Верховного Чтеца он удостоился всего несколько месяцев назад, но с тех пор в его гладких черных волосах и раздвоенной бороде успели появиться седые пряди. Он тяжело опирался на посох, как будто леопардовая мантия на его плечах оказалась непосильным грузом.

Впрочем, не могу сказать, чтобы мне было его очень жалко. Расстались мы не слишком по-дружески. Хотя в борьбе с Сетом мы ненадолго заключили союз, он по-прежнему считал нас опасными мошенниками. Тогда на прощание он предупредил нас, что если мы продолжим изучать пути богов (а мы как раз этим и занимались), то при следующей встрече он нас уничтожит. Само собой, большого расположения мы к нему не испытывали и на чашку чая приглашать не собирались.

Лицо мага заметно осунулось, но глаза, как и прежде, сверкали недобрым блеском. Сейчас он внимательно изучал кроваво-красные картины на световой занавеси и как будто чего-то ждал.

– *Est-il allé?* – спросил он. Моих школьных знаний французского хватило, чтобы понять, что означает этот вопрос: «Он ушел?»

На мгновение я испугалась, что он обращается ко мне, но тут откуда-то из-за трона раздался другой, хриплый и скрипучий голос:

– Да, владыка.

Из тени выступил человек, с головы до ног одетый в белое: костюм, шарф... даже зеркальные солнечные очки и то отливали белым. Эдакий мороженщик на службе у зла.

У него оказалась приятная улыбка и круглощекое лицо в обрамлении курчавых седых волос. Пожалуй, я бы даже сочла его вполне безобидным с виду, даже дружелюбным... если бы он вдруг не снял свои очки.

Его глаза выглядели просто жутко.

Признаюсь, у меня насчет глаз что-то вроде пунктика. Если вдруг по телевизору показывают операции на сетчатке, я с воплями выбегаю за дверь. Даже при мысли о контактных линзах мне и то делается не по себе.

Но у человека в белом глаза выглядели так, будто в них сначала плеснули кислотой, а то, что осталось, потом долго рвали когтями кошки. Веки были покрыты сплошными шрамами и почти не закрывались. На месте бровей пролегли багровые борозды ожогов. Кожа на скулах была иссечена рубцами, а на сами глаза я едва решалась взглянуть: жуткое месиво кроваво-красного и молочно-белого. Как он вообще мог хоть что-то ими видеть...

Мужчина громко, с хрипом дышал, так что у меня самой начало побаливать в груди от этих звуков. На его белой рубашке поблескивал серебряный амулет в виде змеи.

– Он только что воспользовался порталом, владыка, – прохрипел он. – Отбыл наконец.

Его голос был такой же ужасный, как и глаза. Если в него и в самом деле плеснули кислотой, то, наверно, часть ее протекла ему в легкие. Однако мужчина продолжал улыбаться, и вообще вид у него в этом безупречно-белом хрустком костюме был на удивление спокойный и даже веселый, как будто ему не терпелось скорее начать угощать детишек мороженым.

Он не торопясь подошел к Дежардену, который продолжал сосредоточенно смотреть на мерцание света среди колонн. Мороженщик устоял туда же. Повернувшись в ту же сторону, я поняла, что привлекло внимание Верховного Чтеца. На уровне последней колонны, как раз позади трона, свет изменился: из красного оттенка современной эпохи он сделался темно-багровым, как кровоподтек. Еще в тот раз, когда я оказалась в Зале Эпох впервые, мне объяснили,

что с каждым годом он становится все длиннее, вмещая в себя продолжающуюся историю Египта. Теперь я видела своими глазами, как это происходит. Пол и стены медленно-медленно растягивались, как в мираже, и вместе с этим расширялась и багровая полоска.

– Ага, – кивнул «мороженщик». – Теперь уже гораздо отчетливее.

– Новая эпоха, – пробормотал Дежарден. – Более темная, чем предыдущая. Ты ведь знаешь, Владимир, что цвет эпохи не менялся уже тысячу лет.

Значит, злого «мороженщика» зовут Владимир? Ладно, будем иметь в виду.

– Это все из-за Кейнов, конечно, – сказал Владимир. – Тебе, владыка, следовало убить старшего, пока он был в твоей власти.

Перья моего *ба* встопорщились. Я сразу поняла, что речь идет о нашем дяде Амосе.

– Нет, – отрезал Дежарден. – Он находился под нашей защитой. Любому, кто просит об исцелении, гарантируется полная безопасность. Даже Кейн не может стать исключением.

Владимир глубоко вздохнул. Звук при этом получился как от засорившегося пылесоса.

– Но теперь, когда он вышел из-под твоего покровительства, мы должны перейти к действию. Ты ведь слышал новости из Бруклина, владыка. Дети отыскивали первый свиток. И если они найдут остальные два...

– Я знаю, Владимир.

– Они опозорили Дом Жизни в Аризоне. Они заключили мир с Сетом, вместо того чтобы уничтожить его. А теперь пытаются найти «Книгу Ра». Если ты позволишь мне разобраться с ними...

Верхушка посоха Дежардена тускло засветилась пурпурным огнем.

– Кто здесь Верховный Чтец? – спросил он с нажимом.

Улыбочка на лице Владимира мигом полиняла.

– Разумеется ты, владыка.

– И я сам разберусь с Кейнами, когда придет время. Сейчас большую угрозу для нас представляет Апоп. Мы должны направить все силы на то, чтобы не дать Змею вырваться. Если есть хоть малейший шанс, что Кейны помогут нам восстановить порядок...

– Прости, владыка, – перебил его Владимир. Я заметила, что в его голосе появилась новая, как будто магическая сила. – Кейны – это часть той же самой проблемы. Пробудив богов, они нарушили равновесие Маат, а теперь обучают запретной магии других. Сейчас же они вознамерились восстановить правление Ра, который покинул трон Египта еще в начале времен! Еще немного – и они приведут мир в полное смятение, усиливая Хаос.

Дежарден растерянно заморгал.

– Возможно, ты и прав. Я... должен поразмыслить над этим.

Владимир поклонился.

– Как тебе будет угодно, владыка. Я же пока соберу силы магов и буду ждать твоего приказа разрушить Бруклинский Дом.

– Разрушить... – Дежарден нахмурился. – Да-да, жди моего приказа. Я сам выберу подходящее время, Владимир.

– Прекрасно, владыка. Но если Кейны снова примутся за поиски свитков, способных разбудить Ра? Один, конечно, совершенно для них недостижим, но второй...

– Это я поручаю тебе. Охраняй его так, как считаешь нужным.

Кажется, Владимиру понравилось то, что он услышал. Его глаза стали выглядеть еще ужаснее из-за возбужденного блеска под изуродованными веками. Я тут же вспомнила любимый дедушкин завтрак: вареные яйца с соусом табаско.

(Ну ладно, Картер, извини. Я знаю, что это звучит мерзко. А почему ты ешь, когда я рассказываю?)

– Мудрость владыки безгранична, – снова поклонился Владимир. – Но эти дети обязательно будут искать свитки, владыка. У них просто нет иного выбора. Если они покинут свое убежище и заберутся на мою территорию...

– Разве я не сказал, что намерен от них избавиться? – скучным голосом повторил Дежарден. – Теперь ступай. Мне нужно подумать.

Владимир беззвучно отступил в тень. Несмотря на белый костюм, исчезать он умел очень ловко.

Дежарден снова перевел взгляд на колышущуюся завесу света.

– Новая эпоха... – пробормотал он. – Время тьмы...

Невидимое течение вдруг подхватило мой *ба* и стремительно потащило его обратно к моему спящему телу.

– Сейди? – позвал меня чей-то голос.

Я рывком села на кровати. Сердце отчаянно билось. За окном спальни серело пасмурное утреннее небо. А в изножье моей кровати сидел...

– Дядя Амос? – растерялась я.

Он улыбнулся.

– С днем рождения, дорогая. Прости, если я тебя напугал. Я стучал в дверь, но ты не отзывалась, и я встревожился.

Я разглядела его внимательнее. Вид у него был вполне здоровый, даже цветущий, и одет он был, как всегда, с исключительным вкусом. На носу – очки в тонкой золотой оправе, на голове – фетровая шляпа с плоской тульей, отлично скроенный черный костюм из тонкой итальянской шерсти придает приземистой фигуре даже некоторую стройность. Длинные волосы заплетены в тонкие косички, украшенные блестящими бусинами из какого-то черного камня – обсидиана, наверно. В таком наряде его можно было принять за процветающего джазмена (которым он действительно был) или за афроамериканскую версию Аль-Капоне (которым он не был ни в малейшей степени).

Я уже начала говорить «но как...», но тут вспомнила свое видение в Зале Эпох и сама обо всем догадалась.

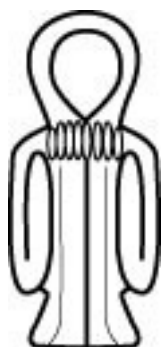
– Все в порядке, – опередил меня Амос. – Я только что вернулся из Египта.

Я шумно, с хрипом вздохнула, точь-в-точь как этот кошмарный Владимир.

– Я тоже, Амос. И на самом деле все очень плохо. Они собираются нас уничтожить.

4

Приглашение на именинный Армагеддон

Сейди

После того как я изложила Амосу все подробности моего жуткого ночного путешествия, утешить меня могло только одно – полноценный завтрак.

Я видела, что мой рассказ всерьез выбил Амоса из колеи, однако он настоял, чтобы мы отложили обсуждение данной темы вплоть до полного собрания всего Двадцать Первого Номы (именно так называлось наше бруклинское отделение Дома Жизни). Мы договорились, что встретимся на веранде через двадцать минут.

Когда дядя ушел, я приняла душ и прикинула, что бы надеть. Обычно по понедельникам я преподаю нашим ученикам симпатическую магию, для чего требуется обычный полотняный костюм. Но ведь сегодня мой день рождения... а значит, мне положен выходной.

Учитывая сложившуюся обстановку, я сильно сомневалась, что Амос, Картер и Баст отпустят меня в Лондон, но предпочла надеяться на лучшее. Ну а раз у меня выходной, значит, я могу надеть все самое любимое: потертые джинсы, армейские ботинки, маечку на лямках и кожаную куртку. Для занятий магией такая одежда подходит плохо, но настроение у меня сегодня было мятежное.

Я сунула жезл и фигурку Картера в сумку с магическими принадлежностями и уже хотела привычным жестом забросить ее на плечо, но передумала. В конце концов, я не собираюсь таскать на себе эту тяжесть весь день рождения!

Глубоко вздохнув, я сосредоточилась и попыталась открыть проход в Дуат. Ненавижу в этом признаваться, но данный трюк удастся мне из рук вон плохо. По-моему, просто нечестно, что Картер может запросто вытаскивать вещи прямо из воздуха в любой момент, когда ему вздумается, а мне приходится каждый раз напрягаться по пять-десять минут, и потом меня подолгу тошнит от усталости. Поэтому я и предпочитаю таскать все необходимое с собой в сумке. Но сегодня, если мне все-таки повезет и меня отпустят прогуляться с друзьями, не хочу носить с собой лишнюю тяжесть. Но и расставаться со всеми магическими принадлежностями было бы неразумно: вдруг что понадобится.

Наконец воздух передо мной задрожал: окно в Дуат уступило моим стараниям и открылось. Я сунула сумку в пустоту прямо перед собой, и она исчезла. Что ж, отлично – если, конечно, я потом сумею достать ее обратно.

Затем я прихватила с комода свиток, который мы вчера выкрали у Бульвинкля, и направилась вниз по лестнице.

Сейчас, когда все наши ученики собрались за завтраком, особняк выглядел непривычно тихим. Все пять внутренних галерей открываются в центральный Большой Зал, где обычно

кипит жизнь. Хотя я помню, каким пустым он казался, когда мы с Картером впервые оказались здесь на прошлое Рождество.

По большей части в Большом Зале все осталось по-прежнему: посередине висит внушительная статуя бога Тота, по стенам развешана дядина коллекция старинного оружия и музыкальных инструментов, перед здоровенным камином размером с гараж постелен длинный ковер из змеиной шкуры. Однако двадцать с лишним юных магов успели придать этому месту неповторимый колорит. На кофейном столике свалены в кучу дистанционные пульты от всякой техники, магические жезлы, плееры и обертки от шоколадок и печенья вперемешку с фигурками шабти и прочим хламом. Кто-то – скорее всего, Джулиан, судя по немаленькому размеру, – бросил свои перепачканные в грязи кроссовки прямо на лестнице. А кто-то из малолетней шпаны – полагаю, Феликс – превратил камин в щедро присыпанный снегом маленький филиал Антарктиды, по которому шастал живой пингвин. Феликс просто помешан на пингвинах.

По залу сновали волшебные щетки и метлы, пытаюсь прибрать весь этот бардак. Мне пришлось пару раз увернуться, чтобы они не принялись и за меня тоже: почему-то весь этот уборочный инвентарь упорно считает, что мои волосы представляют собой вызов чистоте в доме.

(Твоего мнения, Картер, никто не спрашивал.)

Как я и ожидала, все обитатели дома собрались на веранде, которая служила одновременно столовой и местом обитания крокодила-альбиноса по имени Филип Македонский. Сейчас он весело плескался в бассейне, время от времени выпрыгивая из воды, чтобы схватить прямо в воздухе брошенный ему кусочек ветчины. Утро выдалось холодное и пасмурное, однако живое пламя в магическом очаге создавало очень уютную обстановку.

Прихватив с буфетной стойки кусок шоколадного рулета и чашку с чаем, я примостилась за столом. И только тут заметила, что никто из присутствующих не занят едой: все как один уставились на меня.

Амос и Баст с мрачным видом сидели во главе стола. Тарелка с горячими вафлями перед Картером осталась нетронутой, что было крайне непохоже на моего братца. Стул Жас справа от меня пустовал: Амос успел рассказать мне, что она по-прежнему в лазарете, в том же состоянии. Слева сидел Уолт; выглядел он, как всегда, отлично, но я упорно делала вид, что его не замечая.

Остальные ученики пребывали в разной степени шока. Здесь были ребята самого разного возраста и почти со всех концов света. Некоторые из них были даже заметно старше нас с Картером и по возрасту годились в студенты. Отчасти это получилось даже здорово, потому что они помогали присматривать за младшими, но мне всегда становилось немного неловко, когда приходилось выступать в качестве их учительницы. Большинству было от десяти до пятнадцати лет, и только Феликсу недавно исполнилось девять. Джулиан приехал из Бостона, Элисса – из Каролины, Шон – из Дублина, а Клио – из Рио-де-Жанейро (знаю-знаю, Клио из Рио – звучит как шутка, но так уж получилось!). Единственное, что всех нас объединяло – это кровь фараонов. Все мы были потомками царских династий Египта, а потому обладали природными способностями к магии и могли вместить в себя силу богов.

Из всех собравшихся только Хуфу сохранял безоблачное настроение. По причинам, которых мы так и не смогли постичь, наш павиан признавал только ту пищу, название которой заканчивалось на – о. Недавно он открыл для себя жевательные мармеладки «ДжеллО», которые делали его абсолютно счастливым. Полагаю, заглавное «О» на конце придавало им еще более впечатляющий вкус. По крайней мере теперь он был готов съесть все, что угодно, если это что-то (фрукты, орехи, жучки и прочие мелкие твари) было заключено в желатин. В данный момент он самозабвенно копался в целой горе сладостей и довольно похрюкивал, выковыривая из нее мармеладные виноградины.

Все молча таращились на меня, как будто ожидая каких-то объяснений.

– Доброе утро, – пробурчала я. – Отличная погодка. Кстати, у нас в камине пингвин, если кому интересно.

– Сейди, – мягко сказал дядя Амос, – не могла бы ты рассказать всем остальным то, что уже рассказала мне?

Я отхлебнула чая, пытаюсь подавить волнение, а потом подробно описала свое путешествие в Зал Эпох, изо всех сил стараясь не выдать, до чего мне страшно.

Когда я замолчала, на веранде повисла такая тишина, что было слышно только, как потрескивают в очаге дрова и как плещется в бассейне Филип Македонский.

Наконец девятилетний Феликс озвучил вопрос, который, как мне кажется, был на уме у всех до единого:

– Значит, мы все погибнем?

– Нет, – решительно возразил Амос, наклоняясь вперед. – Разумеется, нет. Дети, я понимаю: я только что прибыл, и с многими из вас мы пока даже незнакомы. Однако обещаю: мы сделаем все возможное, чтобы защитить вас от любого врага. Этот дом окружен многими слоями охранных чар. Кроме того, вас охраняет одна из самых могущественных богинь. – Он торжественно указал на Баст. Та как раз со скрежетом вскрывала ногтями жестянку с кошачьим кормом, что несколько подпортило величие момента. – И семья Кейн тоже положит все силы, чтобы уберечь вас от беды, – продолжал Амос. – Сейди и Картер владеют такой мощной магией, которую вы даже не можете себе вообразить. Да и мне уже случалось одерживать верх над Дежарденом, так что мы хорошо представляем, как с ним воевать. Если, конечно, до этого дойдет.

Учитывая, что нам пришлось пережить в прошлое Рождество, обещания Амоса звучали несколько чересчур оптимистично... Зато наши ученики немного приободрились.

– Если до этого дойдет? – переспросила Элисса. – Но мне показалось, что они твердо намерены напасть на нас.

Амос скептически приподнял бровь.

– Все может быть, и я не могу исключить, что Дежарден в самом деле отважится на подобную глупость. Он ведь хорошо понимает, что главный враг магов – это змей Апоп. И догадывается, что в борьбе с ним ему может понадобиться любая помощь. Если только... – Незаконченная фраза повисла в воздухе. Не знаю, о чем подумал Амос, но эта мысль явно его встревожила. – В любом случае, если Дежарден решит напасть на нас, он не станет действовать наобум. Ему известно, что этот дом так легко не взять. К тому же он не может допустить, чтобы семья Кейн снова одержала над ним верх и выставила его в дураках. Поэтому сначала он тщательно взвесит все «за» и «против», рассмотрит различные варианты, соберет все силы. На все это ему понадобится по меньшей мере несколько дней, которые было бы куда разумнее потратить на то, чтобы остановить Апопа.

Уолт поднял руку, желая что-то спросить. Уж не знаю, в чем тут дело, но, когда он что-то говорит, внимание всех присутствующих неизменно сосредотачивается на нем. Даже Хуфу отвлекся на минутку от своих «ДжеллО» и уставился на Уолта.

– Но если Дежарден все-таки нападет на нас, – серьезно сказал Уолт, – он будет отлично подготовлен, и с ним будут маги, которые гораздо сильнее и опытнее нас. Скажите, он сможет пробиться через нашу защиту?

Амос бросил взгляд на раздвижные стеклянные двери. Наверное, вспомнил, как врагам удалось прорваться в дом в прошлый раз. Закончилось тогда все довольно скверно.

– Мы должны сделать все возможное, чтобы до этого не дошло, – решительно сказал он. – Дежардену известно о наших намерениях, а также известно, что на их воплощение у нас есть всего пять дней... точнее, сейчас уже четыре дня. Судя по тому, что увидела этой ночью Сейди, Дежарден в курсе наших планов и собирается помешать им, почему-то вбив себе

в голову – кажется, не без посторонней помощи, – что мы действуем на стороне сил Хаоса. Но если мы добьемся успеха, то докажем свою правоту и свою силу. Дежардену и его магам придется оставить нас в покое.

Клио нерешительно подняла руку.

– Э-э... Но мы-то ничего не знаем о плане. Вы сказали, у нас четыре дня... на что?

Вместо ответа Амос приглашающим жестом указал на Картера. Ну и хорошо, подумала я, пусть братец сам и рассказывает. Мне, честно говоря, его план казался малость безумным.

Катер сел прямее, расправив плечи. Тут я должна отдать ему должное: за последние месяцы он почти стал похож на нормального парня. Те шесть лет, которые он провел, путешествуя по свету с папой, он, естественно, не посещал школу и, кажется, понятия не имел, как выглядят его сверстники. Одевался он, с папиной подачи, как какой-нибудь клерк: в белые сорочки и брюки со стрелками. Полная безнадега. Сейчас он по крайней мере научился носить джинсы, майки и толстовки с капюшоном. От своей унылой коротенькой стрижечки он тоже отказался, и теперь его волосы превратились в густую курчавую шапку. Честное слово, так было гораздо лучше. Если братишка продолжит в том же духе, однажды может даже найтись девчонка, которая захочет с ним встречаться!

(Эй, ты чего пинаешься? Это был комплимент!)

– Мы собираемся разбудить бога Ра, – объявил Картер, как будто это было самым пустячным делом на свете.

Наши ученики растерянно переглянулись. Картер вообще-то не славился своим чувством юмора, но ребята наверняка решили, что это он так пошутил.

– Ты имеешь в виду бога солнца? – нерешительно поинтересовался Феликс. – Старого царя всех богов?

Картер кивнул.

– Вы все знаете эту историю. Много тысяч лет назад Ра состарился и удалился на небеса, поручив правление богами Осирису. Но Осириса одолел Сет. Потом Гор, сын Осириса, победил Сета и стал фараоном. А дальше...

Я выразительно покашляла.

– А покороче нельзя, профессор?

Картер хмуро покосился на меня, но лекцию свою свернул.

– Если короче, то Ра был первым и самым могущественным царем богов. Мы уверены, что он до сих пор жив, но крепко спит где-то глубоко-глубоко в Дуате. Если нам удастся разбудить его...

– Но ведь он покинул трон, потому что состарился и одряхлел, – вмешался Уолт. – А с тех пор прошло столько времени... Значит, сейчас он наверняка состарился еще больше?

Когда Картер впервые изложил мне свою идею, я задала ему тот же самый вопрос. По мне, так самое последнее, что нам требуется, это всемогущий бог, который не помнит собственного имени, пахнет, как дряхлый старик, и засыпает в самый неподходящий момент. И вообще, как это бессмертное божество в принципе может состариться? Помнится, удовлетворительного ответа я так и не получила.

Амос и Картер вопросительно уставились на Баст. Что ж, разумно. В конце концов, из всех присутствующих она была единственным египетским божеством и должна была разбираться в подобных вещах.

Богиня с сожалением оторвалась от недоеденной банки с тунцом.

– Ра, как вы верно сказали, бог солнца, – заговорила она. – В прежние времена он каждый день старел вместе с закатом светила, а ночью проплывал на своей лодке через Дуат и снова возрождался утром вместе с рассветом.

– Но солнце ведь на самом деле не умирает и не возрождается, – встряла я. – Восходы и закаты возникают из-за вращения Земли, и...

– Сейди, – предупреждающе муркнула Баст.

Ладно, ладно, молчу. Миф и наука не противоречат друг другу, просто рассматривают одно и то же явление с разных позиций... все это я слышала уже сто раз и больше выслушивать не хотела.

Баст указала на свиток, который я пристроила рядом со своей чашкой.

– Когда Ра перестал совершать свое еженощное путешествие через Дуат, круг возрождения оказался разорван, и Ра погрузился в вечные сумерки. По крайней мере мы так думаем. Его сон должен был продлиться до конца времен. Но если вы сумеете отыскать его в Дуате – что, кстати, само по себе очень непростая задача, – возможно, его удастся вернуть в мир, а правильная магия поможет ему возродиться. В «Книге Ра» как раз и говорится, как это можно сделать. Жрецы Ра создали эту книгу в незапамятные времена и держали ее в страшном секрете, разделив на три части. Использовать эту книгу можно только в самом крайнем случае, когда миру угрожает гибель.

– Значит... сейчас она ему угрожает? – робко спросила Клио. – Вы хотите сказать, что Апоп и в самом деле собирается... проглотить солнце?

Уолт перевел взгляд на меня.

– Такое возможно? – спросил он прямо. – Когда вы рассказывали про Красную пирамиду, то говорили, что за планом Сета по уничтожению Северной Америки стоял именно Апоп. Что он пытался породить как можно больше хаоса, чтобы вырваться из своей тюрьмы.

Я поежилась, вспомнив то последнее видение: громадный призрачный змей, извивающийся в небе над Вашингтоном.

– Да, Апоп вполне реален, – кивнула я. – И очень опасен. Однажды нам уже удалось остановить его, но стены его темницы слабеют. Если ему удастся вырваться на свободу...

– Именно это он и сделает, – перебил меня Картер. – Это случится через четыре дня, если мы ему не помешаем. И если мы не справимся... он уничтожит все, что создала человеческая цивилизация со времен основания Египта.

За столом воцарилось подавленное молчание.

Разумеется, наедине мы с Картером уже обсуждали, почему нужно уложиться именно в эти четыре дня. Гор с Исидой, кстати, в этих обсуждениях тоже участвовали. Но до сих пор такое мрачное развитие событий казалось скорее вероятным, чем закономерным. Сейчас же Картер говорил о высвобождении Змея с такой уверенностью... Я вгляделась в его лицо и догадалась, что этой ночью у него тоже было видение, возможно, даже более жуткое, чем мое. *Не сейчас*, ответил он мне взглядом. *Позже расскажу.*

Баст хмуро точила когти о столешницу. Надо полагать, она уже была в курсе ночных секретов Картера.

Феликс на дальнем конце стола что-то сосредоточенно вычислял, шевеля губами и загибая пальцы.

– А почему четыре дня? – раздался наконец его ясный голос. – Что такого особенного произойдет... э-э... двадцать первого марта?

– Весеннее равноденствие, – пояснила Баст. – Для магии это очень важное время. Время, когда ночь и день полностью уравновешены, а значит, и равновесие сил Маат и сил Хаоса можно легко склонить в ту или иную сторону. Это самый подходящий момент, чтобы разбудить Ра. На самом деле, это попросту наш единственный шанс сделать это до наступления осеннего равноденствия, которое случится через полгода. Но так долго ждать мы не можем.

– Потому что, к великому сожалению, – подхватил Амос, – равноденствие идеально не только для нас, но и для Апопа. Именно в это время ему будет легче всего вырваться из тюрьмы и захватить мир смертных. Можете не сомневаться, его приспешники уже вовсю работают над этим. Согласно нашим весьма надежным источникам среди богов, шансы Апопа одержать

победу очень велики. А это значит, что мы должны успеть разбудить Ра раньше, чем Змей выйдет из Дуата.

Для меня все услышанное не было новостью, но все равно: сейчас, когда восстание Змея и гибель мира обсуждались так открыто, перед лицом наших учеников, которые тарасились на нас с такой растерянностью, угроза показалась мне гораздо более реальной... и более страшной.

Я прочистила горло.

– Значит... когда Апоп вырвется на свободу, он попытается уничтожить Маат, то есть мировой порядок. Он проглотит солнце и погрузит весь мир во тьму... одним словом, для нас наступят очень плохие времена.

– Вот почему нам нужен Ра, – вмешался Амос. Он говорил спокойно и уверенно, стараясь успокоить наших учеников. Как ни странно, его самообладание, даже если оно было немного притворным, подействовало на ребят, и даже моя паника немного улеглась. Интересно, подумала я, может, он применил какую-то магию? Или просто умел лучше изложить суть конца света, чем я?

– Ра и Апоп всегда были заклятыми врагами, – продолжал дядя. – Солнечный бог – Властелин Порядка, а Змей – Властелин Хаоса, поэтому с начала времен эти две силы находились в состоянии вечной борьбы, пытаясь погубить друг друга. Если Апоп восстанет вновь, мы должны добиться того, чтобы в борьбе с ним на нашей стороне был Ра. Тогда у нас появится шанс победить.

– Только шанс, – негромко проговорил Уолт. – И это при условии, что мы найдем Ра и сможем его разбудить... до того, как Дом Жизни уничтожит нас.

– Верно, – кивнул Амос. – Зато, если мы сумеем разбудить Ра, это будет величайший подвиг в истории магии. Тогда Дежардену придется как следует подумать, стоит ли с нами связываться. Верховный Чтец... что ж, может, он и не великого ума и подвержен влиянию, но он не безумец. Он ясно понимает, что опасность возрождения Апопа растет с каждым днем. Мы должны убедить его, что Дому Жизни мы не враги, а союзники и что путь богов – это единственный способ одолеть Змея. Я бы предпочел сотрудничать с Дежарденом, а не воевать.

Лично я с куда большим удовольствием расквасила бы Дежардену нос и подпалила бороду, но в словах Амоса была своя правда.

Клио, бедняжка, совсем позеленела. Она прибыла в Бруклин из Бразилии, чтобы изучать путь Тота – бога знаний, и мы уже видели ее нашим будущим библиотекарем. В работе с книгами и свитками ей не было равных, но перед лицом реальной опасности... тут ее нежный желудок оказался слабоват. Надеюсь, если его всерьез скрутит, она хотя бы успеет добежать до края террасы.

– Этот... этот свиток, – с трудом выговорила она. – Я так поняла, что это лишь одна часть «Книги Ра»? И есть еще две части?

Я взяла свиток в руки. При свете дня хрусткий, пожелтевший лист папируса казался еще более старым и хрупким. Кончиками пальцев я чувствовала, как вибрирует в нем могучая магия, как электрический ток высокого напряжения. Мне вдруг непреодолимо захотелось развернуть свиток.

Я положила туго скрученный папирус на стол и принялась его разворачивать. Картер заметно напрягся.

– Сейди, – предупреждающе окликнул меня Амос.

Наверно, они оба не сомневались, что Бруклин снова окажется в огне, но ничего такого не случилось. Развернув свиток, я обнаружила, что он исписан не знакомыми мне иероглифами или буквами, а какими-то невнятными каракулями. Нижний край папируса был неровным, словно от него грубо оторвали какую-то часть.

– Наверное, – сказала я задумчиво, – свиток можно будет прочесть только тогда, когда все три части будут сложены вместе по линии отрыва.

На Картера мои слова, кажется, произвели впечатление. А что такого? В некоторых вещах я действительно разбираюсь получше некоторых. В конце концов, в прошлый раз я ведь сумела прочесть заклинание, изгоняющее Сета в Дуат, а этот свиток действует примерно по тому же принципу.

– Агх! – заявил Хуфу из-за своей горы мармелада и аккуратно выложил на стол три изрядно обслюнявленные виноградины.

– Совершенно верно, – согласилась Баст. – Как правильно указал Хуфу, три части книги символизируют три ипостаси Ра: утро, полдень и вечер. Свиток, который у нас есть, включает в себе заклинание Хнума. Теперь нужно добыть остальные два.

Уж не знаю, как Хуфу умудряется вместиť такую содержательную речь всего в один звук. Иногда я мечтаю: вот бы моими учителями в школе были сплошь павианы! Тогда я закончила бы среднюю школу и старшие классы всего за неделю, а не мучилась бы на уроках годами.

– Но остальные две виноградины... – начала я, – то есть свитки, конечно... судя по тому, что я видела этой ночью, добыть будет не так-то просто.

Амос сурово кивнул.

– Первая часть книги была утеряна много столетий назад, но вы ее нашли. Средняя часть находится в руках магов Дома Жизни. Ее много раз перепрятывали, но всегда охраняли очень тщательно. Судя по твоему видению, я бы решил, что сейчас свиток находится у Владимира Меньшикова.

– Ты про того «мороженщика», – догадалась я. – Но кто он такой?

Амос быстро начертил на столе какой-то знак – возможно, охранительный символ.

– Третий из самых могущественных магов в мире, – негромко пояснил он. – И один из самых верных сторонников Дежардена. Он управляет Восемнадцатым Номом, который находится в России.

Баст злобно зашипела. О, кошки отлично умеют выражать свои чувства.

– Влад Курильщик, – рыкнула она. – Репутация у него хуже некуда.

Я с содроганием вспомнила жуткие глаза и хриплое дыхание «мороженщика» и, не удержавшись, спросила:

– А что случилось с его лицом?

Баст хотела что-то сказать, но Амос оборвал ее.

– Вам достаточно знать, что Влад очень опасен, – сказал он серьезно. – Его главный талант – умение заставить замолчать магов, которые не желают подчиняться главе ордена.

– Так значит, он наемный убийца? – ахнула я. – Ничего себе. А Дежарден дал ему разрешение открыть охоту на нас с Картером, если мы высунем нос из Бруклина.

– Что вам непременно придется сделать, – вставила Баст, – если, конечно, вы собираетесь отправиться на поиски остальных частей «Книги Ра». И у вас в запасе всего четыре дня.

– Ну да, – пробормотала я упавшим голосом. – Об этом и разговор. А ты что, разве с нами не пойдешь?

Баст сидела, уставившись в свою жестянку с рыбой.

– Сейди... – Ее голос звучал огорченно, даже жалко. – Мы с Картером тут обсудили... в общем, кому-то из нас нужно наведаться в тюрьму Апопа и проверить, как там обстоят дела. Мы должны знать, насколько он близок к тому, чтобы вырваться... и есть ли способ его остановить. Нам нужны сведения из первых рук, понимаешь?

Я не верила собственным ушам.

– Ты что, собираешься туда вернуться? После того, что пришлось сделать моим родителям, чтобы выпустить тебя?

– Я только подберусь поближе к тюрьме снаружи, – пообещала она. – И я буду вести себя очень осторожно. В конце концов, кошки мастера в умении незаметно подкрадываться. Кроме того, никто, кроме меня, не знает, где находится место его заключения. Смертному в эту часть Дуата не пробраться. Я... я должна сделать это.

Ее голос дрогнул. Я помню, она говорила, что кошки не отличаются храбростью, но добровольное возвращение в темную бездну, где она тысячи лет билась со страшным врагом... по-моему, это очень смелый поступок.

– И я не оставлю вас без защиты, – продолжала она. – У меня есть... один друг. Он придет из Дуата завтра. Я попросила его найти вас и охранять.

– Друг? – удивилась я.

– Ну... что-то вроде, – уклончиво отозвалась Баст.

Звучало это не слишком ободряюще.

Опустив глаза, я вспомнила, что оделась для выхода, и рот наполнился горечью. Мы с Картером должны отправляться в трудное и опасное путешествие, из которого вряд ли вернемся живыми. Опять все то же самое: колоссальная ответственность за судьбу целого мира и всеобщее ожидание, что я с готовностью пожертвую своей жизнью ради общего блага. С днем рождения, Сейди.

Хуфу рыгнул, отодвинул пустую тарелку и с довольным видом обнажил липкие от мармелада клыки, словно говоря: «Ну вот, завтрак удался!»

– Пойду соберу вещи, – сказал Картер, деловито поднимаясь. – Через час можем отправляться.

– Нет, – сказала я вдруг. Даже не знаю, кто при этом больше удивился: мой братец или я сама.

– Что значит нет? – опешил Картер.

– Сегодня ведь мой день рождения, – сказала я. Наверняка со стороны это прозвучало как нытье капризного ребенка лет семи, но мне уже было наплевать.

Ученики растерянно воззрились на меня. Кое-кто пробормотал неуклюжие поздравления. Хуфу с готовностью протянул мне в качестве подарка пустую миску из-под своих мармеладок. Феликс с готовностью запел «С днем рождения тебя», но его никто не поддержал, так что мальчишка стушевался и умолк.

– Баст же предупредила, что ее друг придет только завтра, – продолжала я. – И Амос сказал, что Дежардену понадобится время, чтобы подготовить нападение. И потом, я ведь так долго ждала этой поездки в Лондон! Надеюсь, я имею право на один-единственный выходной до того, как наступит конец света?

Все молча таращились на меня. Скажете, я повела себя очень эгоистично? Ладно, хорошо. И наверное, очень безответственно? Допустим. Тогда почему я чувствовала, что поступаю абсолютно правильно?

Не хочу никого шокировать, но я терпеть не могу, когда меня пытаются контролировать. Картер вечно указывает мне, что делать, хотя сам не спешит делиться со мной всей информацией. Составляя свой дурацкий план, он явно успел посоветоваться с Амосом и Баст. Выходит, они втроем придумали, что мы будем делать, а поинтересоваться моим мнением даже не потрудились. Моя единственная верная подруга, Баст, собирается бросить меня ради жутко опасного задания, а мне предстоит провести свой день рождения в компании братца, гоняясь за каким-то магическим свитком, который может поджечь меня или устроить что-нибудь еще хуже.

Извините, такой вариант меня не устраивает. Если уж мне предстоит умереть ради спасения мира, пусть это случится завтра. А сегодняшний день – мой.

Картер смотрел на меня не то с обидой, не то с недоверием. Обычно мы стараемся не цапаться при учениках и вообще вести себя прилично, а сегодня я так страшно его подвела.

Он любил поворчать, что я вечно делаю глупости, потому что не беру на себя труд подумать, прежде чем что-то сделать. Вчера он жутко разозлился, что я схватила зачарованный свиток, и в душе наверняка винил меня в том, что произошло после, особенно с Жас. Наверное, в случившемся он увидел всего лишь очередное доказательство моего безрассудства.

Я подобралась, подготовившись к битве не на жизнь, а на смерть, но тут вмешался Амос.

– Сейди, отправляться сейчас в Лондон очень опасно. – Он поднял руку, останавливая мои протесты. – Но если ты считаешь, что должна...

Он сделал глубокий вдох: ему явно не нравилось то, что он собирался сказать.

– ...по крайней мере обещаю тебе, что будешь осторожна. Сомневаюсь, что Влад Меньшиков готов выступить против нас так быстро. Поэтому, полагаю, с тобой все будет в порядке. Только не используй магию. Не нужно привлекать к себе внимание Дома.

– Амос! – возмутился Картер.

Дядя строго глянул на него, и тот немедленно умолк.

– Пока Сейди в Лондоне, мы займемся разработкой плана, – продолжил он. – А завтра утром вы оба отправитесь на поиски свитков. А я тем временем приму на себя ваши преподавательские обязанности и пригляжу за обороной Бруклинского Дома.

По глазам Амоса я видела: он очень не хочет, чтобы я покидала дом. Это было глупо, опасно, опрометчиво – одним словом, очень типично для всего, что я делаю. И все же я чувствовала, что он искренне мне сочувствует. Мне сразу вспомнилось, каким уязвимым выглядел Амос прошлым Рождеством, после того как в него на время вселился Сет. Отправляясь в Первый Ном на лечение к тамошним магам, он чувствовал себя виноватым, что бросает нас одних. И все же тогда это был правильный выбор. Амос нужен нам живым, здоровым и сильным. И сейчас Амос лучше всех остальных понимал, что иногда человеку нужно просто уйти на время, забыть об обязанностях и чувстве долга и побыть самим собой. Кажется, он единственный ясно видел: если я останусь, если я отправлюсь в опасное путешествие, не дав себе даже небольшой передышки, то просто-напросто взорвусь.

Кроме того, я почувствовала большое облегчение, узнав, что Амос прикроет нас в Бруклине. До чего хорошо сложить с себя учительские обязанности хоть ненадолго... Сказать по правде, учитель из меня никудышный. Мне совершенно не хватает терпения сто раз повторять ученикам одно и то же.

(А ты, Картер, придержи свое мнение при себе. Твоего подтверждения никто не спрашивал.)

– Спасибо, Амос, – выдавила я.

Он поднялся, давая понять всем, что собрание окончено.

– Полагаю, для одного утра вы услышали достаточно, – сказал он ребятам. – Сейчас для вас главное – продолжать обучение и не падать духом. Когда придет время, вы встанете на защиту Бруклинского Дома, нам понадобятся все ваши таланты. Мы непременно победим. Если боги будут на нашей стороне, Маат одержит верх над Хаосом, как всегда было и будет.

Ученики все еще выглядели немного пришибленными, но все-таки встали и принялись убирать со стола. Картер бросил на меня еще один злобный взгляд и умчался в дом.

Ладно, решила я, пусть злится. Это его проблемы. Никто не заставит меня чувствовать себя виноватой. Не хочу, чтобы мой день рождения отправился коту под хвост!

Несмотря на всю свою решимость, я покосилась на чашку остывшего чая, несъеденный рулет и с трудом подавила ужасное чувство, что сегодня я сидела за этим столом в последний раз.

Через час я уже была готова отправиться в Лондон.

Собираясь, я выбрала из своего арсенала новый посох и отправила его в Дуат вместе с остальным снаряжением. Свиток Бульвинкля я оставила Картеру, который даже не пожелал со

мною разговаривать. Потом я навестила Жас в лазарете. Она все еще была в коме. На лбу у нее лежала заговоренная холодная салфетка, вокруг койки порхали целительные иероглифы, но она выглядела такой хрупкой, такой уязвимой... Первый раз я видела ее без улыбки. Зрелище до того непривычное, что ее можно было принять за другого человека...

Я немного посидела рядом с ней, держа ее за руку. На сердце было так тяжело, словно оно вдруг превратилось в шар для боулинга. Жас... Жас рискнула жизнью, чтобы спасти нас. Выступила в одиночку против целой шайки *бау*, и это всего после нескольких недель обучения. Да, мы сами учили ее черпать магию из могущества ее покровительницы, богини Сехмет, но чудовищное усилие едва не убило ее.

А какую жертву принесла я? Разве что устроила безобразную истерику, потому что мне не давали отпраздновать день рождения.

– Жас, мне так жаль. – Я знала, что она меня не слышит, но все равно должна была сказать. Голос у меня предательски дрожал. – Я просто... Понимаешь, я сойду с ума, если не свалю отсюда хоть на денек. Мы ведь однажды уже спасли этот мир, будь он неладен. А сейчас приходится начинать все снова...

Интересно, что бы ответила мне Жас, если бы могла? Наверняка что-нибудь ободряющее, как она умеет: *«Это не твоя вина, Сейди. Конечно, ты заслужила небольшой отдых»*.

От этих мыслей мне стало только хуже. Я не должна, не должна была позволять Жас подвергать себя такой опасности. Шесть лет назад моя мама погибла, пропустив через себя чрезмерное количество магии, чтобы запечатать двери тюрьмы Апопа. Я ведь знала это... и все-таки не помешала неопытной Жас рисковать своей жизнью, спасая нас.

Я ведь уже говорила... дрянной из меня учитель.

На этом моя выдержка отказала. Я пожала руку бесчувственной Жас, велела ей скорее поправляться и стрелой вылетела из лазарета. Мне было нужно на крышу, где мы хранили нашу главную реликвию для открывания магических порталов: каменное изваяние сфинкса из развалин Гелиополиса.

Выбравшись наверх, я тут же напряглась: в дальнем конце крыши Картер кормил жареными индейками своего грифона. За ночь братец ухитрился соорудить для этого чудища вполне пристойное стойло – видимо, собирался держать его здесь постоянно. Ну что ж... хоть голубей отгонять будет.

Я почти надеялась, что Картер меня проигнорирует: на ссоры и пререкания не было ни сил, ни времени. Но, увидев меня, братец насупился, вытер о штаны перепачканные жиром руки и направился прямиком ко мне.

Я набычилась, приготовившись получить нагоняй.

Вместо этого брат буркнул:

– Будь осторожна. Вообще-то, я приготовил тебе подарок, но подожду, пока ты вернешься...

Он не добавил «живой», но я угадала эту мысль по его голосу.

– Послушай, Картер... – начала я.

– Да ладно, иди, – махнул он рукой. – Что толку, если мы начнем спорить.

Не знаю, что я должна была чувствовать больше – вину или раздражение, но брат был прав: с днями рождения у нас как-то не ладилось. Одно из моих самых ранних воспоминаний было про то, как мы с Картером подрались на моем дне рождения, когда мне исполнилось шесть, и именинный торт взорвался от выброса магической энергии. Гостей тогда забрызгало кремом с ног до головы... Учитывая возможные последствия, мне стоило просто молча отправиться куда собиралась. Но я почему-то не смогла.

– Прости меня, – выпалила я. – Знаю, ты злишься, что вчера вечером я схватила этот чертов свиток и за то, что Жас пострадала, но я сейчас просто готова взорваться...

– Не ты одна, – буркнул он.

У меня перехватило дыхание. Я так беспокоилась, что Картер набросится на меня с обвинениями, что не обратила внимание на его собственное настроение. А оно, кажется, было хуже некуда.

– Что такое, Картер? – спросила я. – Что случилось?

И он рассказал мне про то, как в музее время вдруг замедлилось и у него состоялся очень странный разговор с пламенеющим *бау*. И как этот *бау* предостерег Картера, пообещав, что поиски ни к чему не приведут.

– Он сказал... – Голос Картера сорвался. – Он сказал, что Зия спит в месте, которое называется Красные Пески... уж не знаю, где это. И еще он сказал, что, если я не прекращу поиски и не спасу ее, она... она умрет.

– Картер, – спросила я осторожно, – а этот дух называл Зию по имени?

– Вообще-то нет, но...

– Тогда, может быть, он имел в виду кого-то другого?

– Нет. Я уверен, что он говорил о Зии.

Наверное, мне стоило попросту прикусить язык и заткнуться, но иногда навязчивые идеи моего братца относительно Зии Рашид заставляли меня всерьез беспокоиться, все ли у него в порядке с головой. И вот снова...

– Картер, не хочу задеть твои чувства, – мягко сказала я, – но последнее время ты видишь послания от Зии буквально везде. Вспомни, две недели назад ты вдруг решил, что она посылает тебе зов о помощи в картофельном пюре...

– Там правда была написана большая буква «З»! Прямо в пюре, хотя его никто не трогал! Я вскинула ладони.

– Ладно, ладно, как скажешь. А что насчет твоего сна этой ночью?

Плечи брата тут же напряглись.

– О чем ты?

– Ой, да хватит. Сегодня за завтраком ты сказал, что Апоп вырвется из тюрьмы в день равноденствия. Ты говорил так уверенно, как будто собственными глазами видел доказательства. И даже успел переговорить с Баст и убедить ее проверить тюрьму Змея. Значит, то, что ты увидел... было и вправду очень плохо.

– Я... я не знаю. Я не уверен.

– Понятно.

Во мне вскипело раздражение. Значит, мне Картер рассказывать не желает. Значит, у нас снова появились друг от друга секреты? Что ж, отлично.

– Ладно, поговорим позже, – холодно отрезала я. – Пока. До вечера.

– Ты ведь не веришь мне, – смущенно сказал он. – Насчет Зии.

– А ты не доверяешь мне. Значит, мы квиты.

Мы смерили друг друга мрачными взглядами. Картер чуть замялся, потом развернулся и потопал обратно к грифону.

Я хотела окликнуть его. Я вовсе не собиралась с ним ссориться. Но умение извиняться – не самая сильная моя сторона, да и он сам тоже хорош. Нет, серьезно, иногда он ведет себя просто невыносимо.

Я повернулась к сфинксу и вызвала портал. Это у меня действительно хорошо получалось, скажу без ложной скромности. Передо мной тут же возник вращающийся туннель из песка, и я прыгнула в него.

Секундой позже меня вынесло из Иглы Клеопатры на набережной Темзы.

Шесть лет тому назад на этом самом месте погибла моя мама, так что не могу сказать, будто этот обелиск является моим любимым египетским памятником. Зато из всех порталов он находится ближе всего к квартире моих бабушки с дедушкой.

Погода, к счастью, была отвратительная, поэтому рядом не оказалось ни одного прохожего. Я быстренько стряхнула с одежды песок и направилась к ближайшей станции подземки.

Полчаса спустя я уже стояла у лестницы, ведущей в квартиру, где прожила целых шесть лет. Так странно было почувствовать себя... можно ли сказать, дома? Я даже не была уверена, что могу по-прежнему считать это место своим домом. Последние месяцы я ужасно скучала по Лондону – по знакомым улицам, любимым магазинам, школьным приятелям. И по своей мансарде тоже. Даже унылая лондонская погодка и то вызывала у меня ностальгию. Но сейчас все мне казалось таким необычным, таким... чужим.

Разнервничавшись окончательно, я постучала.

Никто не отозвался. Странно... я-то была уверена, что меня ждут. Я постучала снова.

Может, они прячутся, ожидая, пока я войду? Мое воображение нарисовало бабушку с дедушкой, Лиз и Эмму, скрючившихся за мебелью, чтобы неожиданно выскочить и завопить «Сюрприз!».

Хмм. Бабушка с дедушкой? Прыгают с воплями? Нет, это вряд ли.

Порывшись в кармане, я вытащила ключ и отперла замок.

В гостиной было темно и тихо. Даже лампа над лестницей не горела, хотя бабушка вообще никогда ее не выключает – ужасно боится свалиться со ступенек. И дедушкин телевизор не орал... тоже странно, потому что он всегда включен на спортивном канале, где транслируют матчи регби, даже если в данный момент его никто не смотрит.

Я принюхалась. В Лондоне шесть часов вечера, а из кухни не пахнет подгоревшим печеньем? Непорядок. Бабушка непременно сжигает хоть один противень к вечернему чаепитию, это железная традиция.

Я достала из кармана мобильник, чтобы позвонить Лиз и Эмме, но он почему-то не работал. А ведь я совершенно точно его зарядила.

Не успела в моем мозгу забрезжить подходящая случаю мысль «я в опасности», как вдруг дверь за моей спиной с грохотом захлопнулась. Я резко развернулась, шаря рукой в поисках магического жезла... которого у меня при себе не было.

С вершины темной лестницы надо мной раздался голос, который никак не мог принадлежать человеку. И этот голос прошипел:

– Добро пожаловать домой, Сейди Кейн.

4

Урок ненависти к жукам-навозникам

Картер

Вот спасибо, Сейди.

Для разнообразия отдала мне микрофон как раз тогда, когда мы дошли до интересного места.

Ну вот, Сейди отправилась справлять день рождения в Лондон. Мир стоит на пороге катастрофы, до которой осталось всего четыре дня, нам нужно завершить поиски жизненно важных свитков, а она, видите ли, отправилась повеселиться с подружками. Что ж, у каждого свои приоритеты, верно? Ну а я не больно-то и расстроился.

В отсутствии Сейди была и своя хорошая сторона: в Бруклинском Доме наконец-то стало тихо и спокойно. То есть до тех пор, пока в него не вломилась трехголовая змея. Но давайте я сначала расскажу вам о своем видении.

Сейди за завтраком решила, что я что-то от нее скрываю. В общем-то так оно и было. Но просто если говорить откровенно, ночное видение перепугало меня до того, что мне вообще не хотелось о нем говорить, тем более с сестрой в день ее рождения. Надо сказать, с тех пор как я стал изучать магию, я испытал множество необычных ощущений, но то, о чем я сейчас расскажу, может смело претендовать на Нобелевскую премию в области «сверхъестественно странного».

После нашего крайне насыщенного похода в Бруклинский музей я долго не мог заснуть. Когда же мне это наконец удалось, я вдруг проснулся в чужом теле.

Это не было похоже на странствие души или тем более на обычный сон. Я действительно был им – Гором-Мстителем.

На самом деле мне уже приходилось уживаться с Гором в одном теле – всю ту неделю в прошлое Рождество, когда он поселился в моей голове и доставал меня всякими своими советами или требованиями. А во время битвы за Красную пирамиду нам даже удалось добиться полного слияния разумов. Я превратился в то, что египтяне-маги называли «Глазом бога» – наши воспоминания перемешались и сделались общими, вся сила божества принадлежала мне, и мы могли действовать как единое целое – получеловек-полубог. Но даже тогда я находился в своем собственном теле.

На этот раз наши роли поменялись: я оказался гостем в теле Гора, который стоял на носу лодки. Лодку несло течением магической реки, которая протекает через весь Дуат. Зрение у меня стало острым, как у сокола, и я без труда различал сквозь дымку над водой мелькающие в глубине тени: чешуйчатые спины рептилий и громадные плавники. Я видел призраки умерших, собравшихся на берегах реки. Высоко над моей головой своды исполинской пещеры влажно поблескивали и отливали красным, словно мы оказались в глотке какого-то живого существа.

На моих бронзовых руках с могучими мышцами красовались браслеты из золота и лазурита. Одет я был как для битвы – в кожаные доспехи. В одной руке я сжимал дротик, а в другой – *хонеш*, кривой египетский меч. И я чувствовал себя сильным и могущественным, как... как бог, одним словом.

– *Привет, Картер*, – сказал Гор. Странное ощущение: как будто я говорю сам с собой.

– Гор, в чем дело?

Мне не было нужды объяснять ему, что столь бесцеремонное вторжение в мой сон весьма раздражает. Он и так все понимал: разум-то у нас был один.

– *Я ответил на твои вопросы*, – сказал Гор. – *Рассказал тебе, где найти свиток. Теперь ты мой должник и должен выполнить мою просьбу. Я хочу кое-что тебе показать.*

Лодка рванулась вперед. Я вцепился в поручни, ограждающие небольшое возвышение для впередсмотрящего. Оглядевшись, я понял, что лодка – это барка фараона, длиной около шестидесяти футов и напоминающая формой массивное каноэ. Посреди палубы помещалось возвышение для трона под ветхим, обтрепанным балдахином. Единственная мачта несла на себе квадратный парус. Наверное, раньше он был ярким и нарядным, но сейчас выцвел и зиял прорехами. Вдоль правого и левого бортов болтались бесполезные, обломанные весла.

Было видно, что эту лодку не спускали на воду уже много столетий. Такелаж оброс паутиной, канаты сгнили, доски палубы жалобно трещали и скрипели, когда лодка набирала ход.

– *Она такая же старая, как Ра*, – сказал Гор. – *Ты действительно думаешь, что она еще сможет послужить? Позволь мне показать, с кем вам придется сражаться.*

Лодка вырулила на стремнину, и мы помчались гораздо быстрее. Мне уже доводилось ходить в плавание по Реке Ночи, но на этот раз мы спустились в Дуат гораздо ниже. Воздух здесь был холоднее, пороги на реке – круче и опаснее. Сорвавшись с водопада, барка промчалась по воздуху и снова с плеском упала на воду. И тут монстры пошли в атаку. Из потока темной воды выступали жуткие морды – морской дракон с желтыми кошачьими глазами, крокодил с шипами дикобраза, змея с лицом древней мумии... Каждый раз, когда передо мной возникала очередная кошмарная голова, я сносил ее ударом меча или колол копьем, отгоняя от лодки. Но чудовища продолжали наступать со всех сторон, меняя формы. Если бы я сейчас был не Гор-Мститель, а просто Картер Кейн, то от всего этого кошмара я просто сошел бы с ума или умер на месте. А может, и то и другое.

– *Такое путешествие совершала эта лодка каждую ночь*, – сказал Гор. – *И с чудовищами Хаоса сражался вовсе не Ра. Его защищали мы, другие боги. Именно мы отгоняли Апопа и удерживали на почтительном расстоянии его приспешников.*

Мы сорвались с очередного водопада напрямик в водоворот. Уж не знаю, как лодка умудрилась не опрокинуться, но она все же кое-как вырулила из пенной воронки и приблизилась к берегу.

Пустынные низменные берега были сплошь покрыты блестящими черными камушками – по крайней мере так мне сначала показалось. Когда мы подошли поближе, оказалось, что это вовсе не камни, а дохлые жуки – миллионы и миллионы высохших черных панцирей, выстилавших равнину, которая простиралась куда-то далеко в сумрак. Среди пустых шелестящих скорлупок вяло копошились немногочисленные живые жуки, отчего казалось, что вся земля вокруг шевелится. А уж какой вокруг стоял запах от миллионов дохлых навозников, я не стану даже описывать.

– *Вот это – темница Змея*, – сказал Гор.

– Где? – удивился я.

– *Я показываю тебе это место таким, каким ты способен его увидеть. Учти, если бы ты оказался здесь в теле человека, ты бы давно сгорел дотла. И если бы ты увидел это место таким, каким оно является на самом деле, твои человеческие чувства изнемогли бы от ужаса.*

– Здорово, – пробормотал я. – Люблю, когда у меня что-нибудь изнемогает.

Лодка с шорохом ткнулась в берег, отогнав некоторое количество живых скарабеев. Весь берег шуршал и поскрипывал, едва заметно шевелясь.

– *Когда-то все эти скарабеи были живы, – сказал Гор. – Они символизировали ежедневное возрождение Ра, и враги боялись их. Теперь священных жуков осталось совсем немного. Змей постепенно прожирает себе путь на волю.*

– Погоди-ка, – встрепенулся я. – Ты имеешь в виду...

Прямо передо мной усеянный трупами берег вдруг вздулся, как будто что-то живое пыталось пробиться из-под земли. Что-то очень большое...

Я крепче ухватил меч и копьё, но даже вся сила и отвага Гора не помогли мне удержаться от дрожи. Из-под завалов черных панцирей блеснул красный свет; панцири зашелестели и осыпались, когда что-то поднялось из глубины к поверхности. И сквозь истончившийся слой дохлых скарабеев ярко засверкал красный круг десяти футов в диаметре – глаз гигантской змеи, излучающий такую злобу и ненависть, что даже в обличье бога я пошатнулся от накатившей на меня волны незримого яда, выжигающего изнутри, пожирающего мою душу. Я сразу поверил Гору: действительно, если бы я оказался здесь в теле смертного человека, меня бы испепелило на месте.

– Он же вот-вот вырвется на свободу, – сказал я, с трудом преодолевая панические спазмы в горле. – Гор, он уже почти выбрался...

– *Да, – ответил бог. – Уже скоро...*

Направляемый волей Гора, я поднял копьё и метнул его прямо в красный глаз. Змей взревел от ярости так, что весь берег содрогнулся. Потом Апоп нырнул глубже под груды мертвых панцирей, и красный свет погас.

– *Но еще не сегодня, – сказал Гор. – В день равноденствия узлы ослабнут настолько, что Змей наконец разорвет их. Стань снова моим воплощением, Картер. Помоги мне поднять богов на войну с Хаосом. Вместе мы сможем остановить Апопа и не дадим ему проникнуть в мир смертных. Но если ты разбудишь Ра и он снова займет свой престол... хватит ли ему сил править? Сможет ли эта лодка ночь за ночью продолжать свой путь через Дуат?*

– Но если ты не хочешь, чтобы Ра вернулся, – удивился я, – зачем же ты помог мне со свитком?

– Ты сам делаешь свой выбор, – отозвался Гор. – Я верю в тебя, Картер Кейн, и поддержу тебя в любом твоём решении. Но не все боги готовы поступить так же. Многие из них полагают, что наши шансы на победу будут выше, если на войну со Змеем поведу их я – нынешний царь и полководец. Твой план разбудить Ра они считают глупой и опасной затеей. Пока мне удастся сдерживать открытый мятеж, но я не всегда смогу помешать им напасть на вас.

– Отлично, – вздохнул я. – Как будто нам без них врагов не хватает.

– *Но этого может и не случиться, – продолжал Гор. – Сейчас, когда ты видел главного врага воочию, подумай: у кого больше шансов выстоять против Властелина Хаоса – у Ра или у Гора?*

Лодка с тихим плеском отчалила от темного берега. Гор отпустил мой *ба*, и моя душа полетела обратно в смертный мир, как наполненный гелием воздушный шарик. До самого утра мне снился берег, покрытый мертвыми скарабеями, и горящий ненавистью красный глаз, глядящий на меня из слабеющей темницы.

Так что если с утра я выглядел малость не в себе, то теперь вы знаете почему.

Я немало поломал голову над тем, зачем Гор показал мне все это. Самый очевидный ответ напрашивался сам собой: сейчас на троне царя богов восседает Гор. Понятно, ему совсем не хочется, чтобы Ра вернулся и оспорил его право на престол. Боги вообще жуткие эгоисты. То есть иногда они помогают людям, конечно, но обычно у них есть на то собственные причины. Поэтому доверять им нужно с большой осторожностью.

С другой стороны, в чем-то Гор, безусловно, прав. Ра был стар еще пять тысяч лет назад, и никто не знает, в каком состоянии он пребывает сейчас. Даже если нам удастся разбудить

его, нет никаких гарантий, что он сможет нам помочь. Если он такой же дряхлый, как и его лодка, сильно сомневаюсь, что ему удастся победить Апопа.

Гор задал мне прямой вопрос: у кого, на мой взгляд, лучшие шансы отразить нападение Властелина Хаоса? Правда напугала меня самого: заглянув в свое сердце, я понял, что на это не способен никто из нас. Ни боги, ни маги, ни даже и те и другие вместе. Гор хочет быть царем и вести богов на битву со Змеем, но его нынешний враг гораздо сильнее, чем любое чудовище, с которым ему приходилось сражаться прежде. Апоп не уступает древностью самому мирозданию, и единственный, кого он боится, это Ра.

Может быть, попытка разбудить Ра от его вечного сна и не увенчается успехом, но в душе я понимал: рассчитывать мы можем только на бога солнца. Как ни странно, любой, кто пытался убедить меня, что это плохая идея – Баст, Гор, даже Сейди, – заставляли меня только сильнее поверить в собственную правоту. Я вообще довольно упрямый, это факт.

«Правильный выбор далеко не всегда самый легкий», – часто говорил мне отец.

И он знал, что говорит. В конце концов, он бросил вызов всему магическому ордену и пожертвовал своей жизнью, чтобы освободить богов, потому что был уверен, что это единственный способ спасти мир. Теперь и для меня тоже настало время сделать трудный выбор.

Ладно, про завтрак и нашу перепалку с Сейди вы уже слышали, так что это я пропускаю. После того как она нырнула в портал, я остался на крыше в компании только моего нового приятеля – психически неуравновешенного грифона.

Он так часто вопил «ФРИИИК!», что я решил назвать его Фриком. По-моему, очень даже подходящее имя для такого чудаковатого монстра. Вообще-то я был уверен, что утром его больше не увижу – он же мог спокойно улететь куда-нибудь или вернуться обратно в Дуат, – но похоже, что новое обиталище ему понравилось. Я соорудил для него стойло и застелил его утренними газетами. Кстати, чуть ли не каждый заголовок в них был посвящен странной утечке канализационных газов в Бруклине. По мнению журналистов, эта самая утечка стала виной обширных повреждений музейной экспозиции, вызвала необычное свечение крыш по всему городу и послужила причиной массовых жалоб горожан на нездоровье, а именно тошноту, головокружение и даже коллективные галлюцинации. Почему-то самой популярной из них оказался колибри размером с носорога, которого видело чуть ли не полгорода. Вот тебе и газ!

Я как раз скармливал Фрику еще одну изрядную порцию жареной индейки (ну и горазды грифоны пожрать, скажу я вам!), как рядом возникла Баст.

– Обычно птицы мне нравятся, – заметила она. – Но этот твой питомец какой-то уж очень беспокойный.

– ФРИИИК! – по обыкновению, отреагировал Фрик. Некоторое время они с Баст пристально разглядывали друг друга, словно прикидывая, каким каждый из них окажется на вкус.

Баст потянула носом и сморщилась:

– Ты ведь не собираешься держать его тут постоянно?

– Да я его вообще не держу, – ответил я. – Как видишь, он не привязан. Может улететь, когда ему захочется. Просто ему тут нравится, мне кажется.

– Чудесно, – проворчала Баст. – Еще одна тварь, которая может убить тебя, стоит мне шагнуть за порог.

Лично мне казалось, что мы с Фриком неплохо ладили, но убедить в этом Баст было бы нелегко.

Она уже оделась в дорогу, накинув поверх своего излюбленного леопардового комбинезона длинный черный плащ, расшитый защитными иероглифами. Когда она двигалась, ткань слегка мерцала, заставляя очертания богини то проявляться, то пропадать.

– Будь осторожна, – сказал я ей.

Богиня ухмыльнулась.

– Картер, я же кошка. Кошки умеют позаботиться о себе. Меня куда больше беспокоит ваша с Сейди безопасность, когда вы останетесь без меня. Если твое видение правдиво и Апоп готов вот-вот вырваться из тюрьмы... Впрочем, я вернусь так скоро, как смогу.

Я не знал, что ей ответить на это. Я знал одно: если мое видение правдиво, мы все в большой опасности.

– Возможно, меня не будет пару дней, – продолжала она. – Но мой друг появится здесь еще до того, как вы с Сейди отправитесь в путь. Он позаботится о том, чтобы вы оба остались в живых.

– Может, скажешь хотя бы, как его зовут?

Баст как-то непривычно разнервничалась.

– Знаешь, мне немного трудно говорить о нем. Пусть лучше он сам вам представится.

А потом она вдруг потянулась ко мне и поцеловала в лоб.

– Береги себя, мой котенок.

Честно сказать, я растерялся. Даже не знал, что сказать. Я привык думать, что Баст приставлена охранять Сейди, а я так, дополнительная забота. Но в голосе богини прозвучала искренняя теплота, которая смутила меня и заставила покраснеть. Баст тем временем подбежала к краю крыши и спрыгнула.

На этот раз я не слишком за нее испугался. Я уже знал, что она умеет приземляться на все четыре лапы.

Чтобы не тревожить учеников больше необходимого, я решил, что лучше всего, если наши занятия пойдут по обычному расписанию. Сегодня утром мне полагалось вести курс, который я именовал «101 решение магических проблем», а сами ребята называли проще: «Прикладная магия».

Занятия проходили так: я задавал ученикам какую-нибудь задачку, и они должны были решить любым способом, который приходил им в голову. Любой, справившийся с заданием, был свободен и мог распоряжаться оставшимся временем по своему усмотрению.

Наверное, такой подход к обучению отличался от школьного, где ученикам приходится торчать на уроках целый день, даже если они попросту убивают время какой-нибудь бесполезной работой. Но сам-то я в школу никогда не ходил. Моим обучением занимался папа, который позволял мне учиться в удобном для меня ритме. Договоренность у нас была такая: если папа оставался доволен, как я справился с дневной нормой заданий, на этом учебный день считался законченным. Меня такая система полностью устраивала, да и ребятам она, похоже, тоже нравилась.

Наверное, Зия тоже ее одобрила бы. В самый первый раз, когда она устроила нам тренировку, она сказала, что магии нельзя научиться по учебнику – только на собственной практике. И вот мы с ребятами отправились в наш зал для практических занятий.

Сегодня ко мне на урок явились четверо. Остальные ученики либо занимались изучением собственной магической специальности, копаясь в библиотеке или упражняясь в выполнении заклятий, либо проходили обычную школьную программу под руководством самых старших. Пока Амос был в Египте, роль нашего главного наставника взяла на себя Баст; она-то и настояла, чтобы ребята не запускали такие обязательные предметы, как математика или литературоведение. Впрочем, она сама охотно вела и такие дополнительные курсы, как «Основы ухода за кошками» или «Искусство кошачьей дремоты». Надо сказать, эти курсы пользовались популярностью, особенно последний, на который нам пришлось даже составлять лист ожидания из всех желающих его пройти (и особенно – отработать практические занятия).

Зал для магических тренировок занимал большую часть второго этажа. Размером он был примерно с баскетбольную площадку, что, кстати, позволяло нам использовать его по вечерам

и для игры тоже. Здесь был гладкий дощатый пол, вдоль стен стояли статуи богов, а сводчатый потолок был расписан фигурками древних египтян, не то танцующих, не то просто шагающих, как всегда, исключительно боком. К стенам вдоль задней линии площадки на высоте десяти футов мы прикрепили параллельно полу две статуи бога Ра с соколиной головой, оставив от его дисковидной короны только обруч. В итоге получились довольно сносные баскетбольные корзины. Может, кто-то счел бы это святотатством и глумлением над святыней, но я рассуждаю так: если у бога Ра совсем нет чувства юмора, то это его проблемы.

В зале меня уже ждали Уолт, Джулиан, Феликс и Элисса. Жас обычно тоже не пропускала ни одного занятия, но сейчас она лежала в коме... и ни один из нас не знал, как можно ей помочь.

Придав себе подобающий учителю уверенный и невозмутимый вид, я объявил:

– Итак, ребята, давайте сегодня поупражняемся в боевой магии. Начнем с самого простого.

Я вынул из сумки четыре маленьких *шабти* и расставил их в разных концах зала, распределив между учениками, а потом произнес оживляющую команду. Все четыре статуэтки тут же выросли в полноразмерных египетских воинов, вооруженных мечами и щитами. Не скажу, что они выглядели как живые – кожа у них поблескивала керамическим глянцем, и двигались они медленнее, чем люди, но для начала вполне годились.

– Феликс, – напомнил я, – только никаких пингвинов, ясно?

– О! Ну почему... – заканючил тот.

Феликс твердо верил, что решение любой проблемы невысказано без привлечения пингвинов, но, на мой взгляд, по отношению к бедным птицам это было нечестно. Я уже утомился телепортировать их обратно в Антарктиду и сильно подозревал, что там уже собралась немалая стая бедных магеллановых пингвинов, остро нуждающихся в услугах психотерапевта.

– Начали! – скомандовал я, и *шабти* ринулись в атаку.

Джулиан – рослый семиклассник, который уже полностью определился со своей магической специализацией, избрав путь Гора, не стал долго раздумывать. Он еще не до конца освоил создание боевого светящегося двойника, но сумел обернуть свой правый кулак золотым ореолом энергии и ударил им *шабти* с силой чугунной груши для сноса домов. Глиняный воин отлетел к стене, разбившись на груды мелких черепков.

Отлично, одного уложили.

Элисса изучала путь Геба, бога земли. Никто другой в Бруклинском Доме не владел магией земли, но Элиссе помощь обычно и не требовалась. Ее семья в Северной Каролине занималась гончарным ремеслом, так что девочка умела обращаться с глиной с самого раннего детства.

Она ловко увернулась от неуклюжего выпада *шабти* и быстро коснулась рукой его спины. На глиняных доспехах вспыхнул иероглиф:

Больше с воином вроде бы ничего заметного не случилось, но, когда он замахнулся мечом снова, Элисса продолжала стоять перед ним совершенно спокойно. Я уже хотел крикнуть ей «Пригнись!», но *шабти* необъяснимым образом промахнулся. Меч вонзился в пол далеко от Элиссы, и *шабти* споткнулся и замер на мгновение, как будто растерялся. Он атаковал снова и

снова, но каждый раз какая-то неведомая сила отводила его удары в сторону. В конце концов воин смутился окончательно, опустил меч, нетвердой походкой прошагал в угол зала, ткнулся головой в стену, содрогнулся и замер.

Элисса с довольным видом улыбнулась.

– Иероглиф *Са-пер*, – пояснила она. – Означает «Прوماхнись».

– Полезная штука, – одобрил я.

Феликс тем временем все же придумал, как обойтись без пингвинов. Я пока не понял, какой род магии ему ближе всего по духу, но сегодня он избрал простой и эффективный способ действий: сгреб со скамейки баскетбольный мяч, подождал, пока *шабти* поднимет ногу для следующего шага, и с силой бросил мяч ему в голову. Расчет оказался идеальным: воин потерял равновесие и опрокинулся на спину. Глиняная рука, держащая меч, с треском сломалась и отвалилась. Феликс, не теряя времени, подскочил к поверженному *шабти* и попрыгал на нем, превратив в жалкую кучку черепков.

Покончив с этим, он повернулся ко мне с торжествующей ухмылкой:

– Ты ведь не говорил, что мы обязаны использовать магию!

– Все честно, – кивнул я, соглашаясь. А заодно сделал себе мысленную заметку: никогда не играть в баскетбол в той команде, против которой играет Феликс.

Наблюдать за Уолтом было интереснее всего. Он был *сау*, создатель амулетов, и обычно использовал для решения практических задач всякие магические штучки, которые оказывались у него под рукой. Мне никогда не удавалось угадать, что он сделает на этот раз.

Что же касается выбора пути, то Уолт еще не определился, магия какого бога ему ближе всего. Он был превосходным исследователем, как Тот, бог знания, и умел обращаться со свитками или зельями почти так же хорошо, как Сейди, а значит, мог бы выбрать путь Исиды. И даже путь Осириса был ему не чужд, потому что никто, как он, не умел вдыхать жизнь в неодушевленные предметы.

Сегодня он на некоторое время задумался, перебирая свои амулеты и решая, что именно лучше использовать. *Шабти* наступал, а Уолт потихоньку пятился, по-прежнему ничего не предпринимая. Пожалуй, если у Уолта и были недостатки, так это его чрезмерная осторожность: он предпочитал тщательно все обдумать, прежде чем приступить к действию. Одним словом, был полной противоположностью моей сестрице.

(Да не пихайся ты, Сейди. Это же правда!)

– Ну давай же, Уолт, – подбодрил его Джулиан. – Прикончи его уже.

– Не мешай, – осадила его Элисса.

Уолт наконец выбрал одно из своих колец, но, отступая еще на шаг, споткнулся об осколки *шабти*, разбитого Феликсом.

– Берегись! – крикнул я.

Но Уолт поскользнулся и шлепнулся на пол. Его глиняный соперник, размахивая мечом, ринулся прямо на него.

Я бросился на выручку, уже понимая, что добежать не успею. Уолт инстинктивно поднял руку, защищаясь от удара. Вряд ли бы это помогло: керамический меч почти такой же острый, как сделанный из металла, и бьет так же сильно. Рана наверняка будет серьезная... но Уолт в последний момент перехватил клинок, и *шабти* замер. Под пальцами Уолта лезвие меча вдруг посерело и пошло мелкими трещинами. Весь глиняный воин постепенно сделался серым, словно покрылся изморозью, а потом неожиданно рассыпался в пыль.

Уолт ошеломленно посмотрел на свою ладонь. На ней не было ни царапины.

– Круто! – восхитился Феликс. – И что это был за амулет?

Уолт нервно покосился на меня, и я понял без слов: это был не амулет. Уолт сам не знал, что он такое сделал.

На мой взгляд, для одного дня сильных впечатлений уже было больше чем достаточно, но, как оказалось, странности только начинались.

Прежде чем кто-то из нас успел сказать хоть слово, пол вдруг содрогнулся. Я еще успел подумать: что, если это магия Уолта продолжает распространяться по всему дому? Хорошего в этом мало... А может, кто-нибудь этажом ниже упражняется с наведением проклятия взрывающихся ослов – тоже бывает.

Но тут Элисса тихонько пискнула:

– Ой, ребята...

Дрожащим пальцем она показывала на торчащую из стены в десяти футах над нами статую Ра. Наша божественная баскетбольная корзина тряслась и крошилась.

Поначалу я не мог понять, что происходит. Статуя Ра не обращалась в глиняную пыль, как *шабти*: она распадалась на части, которые с шелестом осыпались на пол. Я пригляделся внимательнее, и в груди у меня похолодело. Пол был засыпан вовсе не камнем. Статуя превращалась в панцири мертвых скарабеев.

Когда упал последний из них, груда дохлых жуков зашевелилась, и из нее показались три змеиные головы.

Наверное, не стоит объяснять, какая меня охватила паника. Я уже решил, что мое видение в тюрьме Апопа начинает сбываться прямо здесь, в нашем зале. Я отскочил назад так резко, что налетел на Элиссу. Честно, если бы на меня в этот момент не смотрели ученики, я бы пулей вылетел из зала, не оглядываясь.

«Это не может быть Апоп», – сказал я сам себе.

Головы высунулись сильнее, и я увидел, что это не три отдельные рептилии, а одна здоровенная трехголовая кобра, толщиной с мою ногу. Что особенно странно, за ее спиной развернулись крылья, похожие на ястребиные. Раздувая капюшоны, кобра поднялась до высоты моего роста. Хотя, конечно, до Апопа она явно не дотягивала. И глаза у нее не светились красным: обычные холодные змеиные глаза...

Наверно, я должен был испытать большое облегчение, но, когда все эти три головы уставились на меня, лучше мне не стало.

– Картер? – робко спросил Феликс. – Это тоже часть урока, да?

Змеиные головы громко, слаженно зашипели. В моей голове раздался голос, и звучал он точь-в-точь как голос *бау* в Бруклинском музее.

– Это последнее предупреждение, Картер Кейн, – услышал я. – Отдай мне свиток.

Мое сердце пропустило удар. Свиток. Сейди отдала мне его после завтрака. А я, дурак, должен был положить его в одну из наших надежно защищенных библиотечных ячеек, но забыл. Сейчас он так и лежал в сумке, которая болталась у меня на плече.

– Кто ты? – спросил я змею.

– Картер, – негромко окликнул меня Джулиан, поднимая меч. – Нам стоит атаковать?

Судя по лицам учеников, ни голоса змеи, ни моего вопроса они не слышали. И пока не знали, нужно им вмешиваться или нет. Впрочем, каждый из них приготовился на свой лад: Элисса подняла руки, как будто готовясь поймать большой надувной мяч. Уолт шагнул, загораживая от змеи Феликса, а неутомонный Феликс с любопытством выглядывал из-за его спины.

– Отдай его мне. – Медленно свивая хвост кольцами, сминая шуршащие панцири жуков, змея чуть отклонилась, собираясь нанести удар. Ее крылья распахнулись так широко, что могли бы обхватить нас всех четверых. *Откажись от своего замысла, или я уничтожу девочку, которую ты ищешь, как уничтожила всю ее деревню.*

Я хотел выхватить свой меч, но руки меня не слушались. Все мое тело было парализовано, как будто три пары глаз гипнотизировали меня.

«Ее деревня, – подумал я. – Значит, речь идет о Зии».

Змеи смеяться не умеют, но в злобном шипении твари мне послышалась издевательская насмешка.

Тебе придется сделать выбор, Картер Кейн – девушка или бог. Оставь свою глупую затею, или от тебя скоро останется лишь сухая шелуха, как от скарабеев Ра.

Я разозлился, и это меня спасло. Я мигом сбросил с себя паралич и заорал: «Бей ее, ребята!» – в тот самый момент, когда тварь открыла пасть, выбросив три струи пламени.

Я успел развернуть зеленый магический щит, который прикрыл нас от пламени. Джулиан замахнулся мечом, готовясь метнуть его во врага. Элисса щелкнула пальцами, и три каменные статуи сорвались со своих постаментов и полетели к змее. Из жезла Уолта вырвался луч серого света. А Феликс сорвал с левой ноги кроссовку и швырнул ее в монстра.

Вот теперь змее никто бы не позавидовал. Меч Джулиана снес одну из ее голов, кроссовка Феликса угодила прямоком в лоб второй, луч Уолта превратил третью в прах. После чего на корчащееся змеиное тело обрушились призванные Элиссой статуи, придавив его тоннами камня.

Все, что осталось от чудовища, рассыпалось кучкой песка.

В наступившей тишине я нагнулся и поднял с пола уцелевший панцирь скарабея. Ученики стояли, уставившись на меня.

– Картер, это тоже было учебное задание, правда? – снова спросил Феликс. – Скажи, что это был просто урок!

Я не ответил. Сейчас мои мысли занимал голос змеи – тот же самый, которым вчера говорил со мной *бау* в музее. Наконец я понял, почему он показался мне таким знакомым. Я уже слышал его несколько месяцев назад, во время битвы за Красную пирамиду.

– Картер? – Голосок Феликса срывался, как будто он был готов вот-вот расплакаться. Я спохватился. Самый младший из наших учеников до того задиристый и шумный, что я иногда забываю, что ему всего только девять.

– Да, что-то вроде зачета, – соврал я. Потом покосился на Уолта, и наши взгляды сказали друг другу: *«Поговорим об этом позже»*. Но для начала мне нужно было расспросить кое-кого еще.

– Урок окончен, – объявил я.

И побежал искать Амоса.

5

Гадание с почти смертельным исходом

Картер

Амос задумчиво вертел в руках панцирь скарабея.

– Значит, говоришь, трехголовая змея?

Я кивнул, маясь угрызениями совести. Дяде пришлось пройти через такие испытания в прошлое Рождество, какие нам и не снились. И вот, когда он только-только вылезся и вернулся наконец домой, я являюсь к нему и сообщаю, что в наш зал для практических занятий ворвался монстр из потустороннего мира, и озадачиваю его этой проблемой. Но я просто не знал, к кому еще обратиться за советом. Я даже начал жалеть, что Сейди не было рядом.

(О, Сейди, не стоит так злорадствовать. Не так уж сильно я об этом жалел.)

– Ага, – подтвердил я. – И еще она была с крыльями и плевалась огнем. Ты когда-нибудь видел подобное раньше?

Амос положил жучиный панцирь на стол и легонько потыкал его пальцем, как будто ожидал, что тот вдруг оживет и поползет. Мы сидели в библиотеке в полном одиночестве, что по нынешним временам было большой редкостью. Обычно большой круглый зал со стеллажами вдоль стен был битком набит нашими учениками, которые шарили по ячейкам в поисках нужных свитков, рассылали во все концы света *шабти* за какими-нибудь нужными артефактами или книгами, а то и пиццей. Мозаика на полу зала изображала бога земли Геба с деревьями и реками на груди, а на своде потолка над нами растянулась богиня неба Нут с кожей, усеянной звездами. Обычно в этом месте я чувствовал себя уютно и безопасно, как будто эти два дружелюбных к нам божества оберегали меня от всех невзгод. Но теперь я с опаской поглядывал на выстроившихся по углам *шабти*, неосознанно ожидая, что любой из них может вдруг рассыпаться грудой дохлых жуков или напасть на нас.

Помолчав немного, Амос произнес заклинание *А'макс* – «Сгори».

Над скарабеевым панцирем полыхнул красным маленький иероглиф:

Сухой панцирь вспыхнул, мгновенно превратившись в крохотную кучку золы.

– Кажется, я припоминаю один рисунок, – задумчиво сказал дядя, – из гробницы фараона Тутмоса III. На нем как раз изображена трехголовая крылатая змея, подходящая под твое описание. Но что это может означать... – Он озадаченно покачал головой. – Понимаешь, в египетской мифологии змеи могут быть и злыми, и добрыми. Среди них есть и враги Ра, и его защитники.

– Ну, вряд ли эта тварь была защитницей, – нахмурился я. – Она требовала отдать ей свиток.

– Однако у нее было три головы, что может символизировать три ипостаси Ра. И возникла она именно из обломков статуи Ра, а не какого-то другого изваяния.

– Ра тут ни при чем, – упрямо возразил я. – С какой стати бог солнца стал бы мешать нам искать его? И кстати, я узнал голос, которым говорила змея. Это был голос твоего... – я поспешно прикусил язык, – в смысле, это был голос того помощника Сета, в которого вселился Апоп. Тогда, у Красной пирамиды.

Амос отрешенно уставился мимо меня.

– Ужасноликий, – вспомнил он. – Думаешь, эту змею подослал к тебе Апоп?

– Вот именно, – кивнул я. – И еще я думаю, что это он подстроил нам те ловушки в Бруклинском музее, и он же говорил со мной под видом *бау*. И если ему хватает могущества, чтобы без помех проникнуть в особняк...

– Нет, Картер, вряд ли. Даже если в остальном ты прав, не думаю, что это был Апоп. Если бы он вырвался из своей тюрьмы, Дуат содрогнулся бы до самого основания, и любой маг непременно почувствовал бы это. С другой стороны, проникнуть в разум кого-нибудь из своих приспешников и отправить его в хорошо защищенное место с посланием довольно просто. Не думаю, что эта змея могла причинить вам какой-то серьезный вред, тем более что проникновение через все слои защиты нашего дома должно было отнять у нее массу сил. Скорее всего, ее послали просто для того, чтобы предостеречь тебя... и напугать.

– И это отлично сработало, – буркнул я.

Я не стал спрашивать Амоса, откуда ему так много известно об одержимости и о путях Хаоса. Уж наверно, когда в его тело вселился сам Сет, бог зла, у него была куча возможностей вникнуть в эти премудрости. Сейчас он выглядел и вел себя совершенно нормально, как прежний старый добрый Амос, но у меня был собственный опыт, так сказать, «богоносительства», с той поры как в мое сознание проник Гор. И этот опыт доказывал: уж если тебе довелось стать носителем божественной сущности – неважно, случилось это по твоей воле или нет, – ты уже никогда не будешь прежним. В тебе остаются чужие воспоминания, отголоски чужих мыслей, иногда даже следы божественного могущества. И я не мог не заметить, что цвет магии Амоса с тех пор изменился. Раньше он был голубым, а сейчас иероглифы дядиных заклинаний светились красным – цветом Сета.

– Я обновлю и усилю защитные чары дома, – пообещал Амос. – Давно пора заняться этим, в самом деле. Ручаюсь, что после этого никакие посланцы Апопа к нам больше не проберутся.

Я благодарно кивнул, хотя чем эти чары могли мне помочь... Завтра, когда Сейди вернется из Лондона... если она вернется целой и невредимой... мы все равно должны будем отправиться на поиски оставшихся двух свитков «Книги Ра».

На душе у меня было тяжело. Да, конечно, в прошлый раз мы успешно отразили попытку Сета уничтожить целый континент... но Апоп куда более могущественная сущность, не чета богам. И к тому же мы перестали быть носителями богов. Разорвав связь с Гором и Исидой, мы с Сейди снова стали обычными подростками, которые самонадеянно пытаются противостоять злобным магам, демонам, духам, всяким сверхъестественным тварям и самому извечному Властелину Хаоса. Так, а что у меня в активе? Моя сумасбродная сестрица, меч, павиан и грифон, у которого неладно с головой. Негусто, одним словом.

– Амос, – решился наконец я. – Что, если мы ошибаемся? Что, если пробуждение Ра ничем не поможет?

Как давно, оказывается, я не видел, чтобы дядя Амос улыбался. Вообще-то они с папой не очень похожи, но когда улыбаются, у обоих появляются совершенно одинаковые морщинки вокруг глаз.

– Мальчик мой, – сказал он мягко, – ты только посмотри, чего вы достигли. Вы с Сейди вновь открыли людям пути магии, которые были под запретом многие тысячи лет. За два месяца ваши ученики добились таких успехов, которых в Первом Номе они не добились бы и

за два года. Вы сражались с богами и одержали победу. Вы совершали такие деяния, на которые не способен ни один из ныне живущих магов – ни я, ни даже Мишель Дежарден. Поэтому доверяй своей интуиции, мой мальчик. Знаешь, если бы я был склонен к азартным играм, то ставил бы все свои деньги на вас с Сейди. Всегда.

У меня в горле встал комок. До сих пор единственный человек, которому удавалось так подбодрить меня простыми словами, был мой папа. Я только сейчас осознал, до чего мне не хватает его поддержки и веры в меня.

К сожалению, упомянутое дядей имя Дежардена напомнило мне, что Апоп – не единственная наша проблема. Как только мы с сестрой возобновим наши поиски, похожий на злого мороженщика русский маг с мрачным прозвищем Влад Курильщик откроет на нас охоту. А раз он, как сказал Амос, третий по силе маг в мире...

– А кто второй? – спросил я.

Амос непонимающе нахмурился:

– О чем это ты?

– Ты сказал, что тот русский дядька, Влад Меньшиков, третий из самых могущественных магов в мире. Первый – это, ясное дело, Дежарден. А второй тогда кто? Хотелось бы знать, кого из врагов нам стоит больше всего опасаться.

Кажется, Амоса мои слова чем-то позабавили.

– Об этом можешь не беспокоиться. И кстати, несмотря на ваш не слишком удачный опыт общения с Дежарденом, я не склонен причислять его к вашим истинным врагам.

– Ага, ему это скажи, – угрюмо проворчал я.

– А я уже говорил. Мы несколько раз общались с ним, пока я был в Первом Номе на лечении. И у меня сложилось впечатление, что ваши с Сейди подвиги в битве за Красную пирамиду глубоко его потрясли. Конечно, он и сейчас не согласен с избранным вами путем, но я не сомневаюсь: будь у меня чуть больше времени, я сумел бы убедить его, что мы все сражаемся на одной стороне.

Мне было бы проще поверить, что Апоп и Ра зафрендили друг друга в «Фейсбуке», но спорить мне не хотелось.

Амос повел ладонью над столешницей и произнес заклинание. В воздухе тут же возникло голографическое изображение Ра: миниатюрная копия статуи из нашего зала для тренировок. Солнечный бог был похож на Гора: тоже могучий мужчина с головой сокола, но только в отличие от Гора голову Ра венчала корона в виде солнечного диска. В руках он держал посох с загнутым навершием и боевой цеп: два символа фараоновой власти. Одет он был не в доспехи, а в пышное царское одеяние и с величественным видом восседал на троне. У меня даже мелькнула вредная мысль: приятно, наверно, смотреть, как другие сражаются вместо тебя... Одним словом, портрет Ра выглядел очень знакомо, только сейчас почему-то – наверно, из-за магии Амоса – приобрел красноватый оттенок, в цветах Хаоса.

– Есть еще кое-что, о чем тебе не следует забывать, – предостерег меня Амос. – Пойми, мне совсем не хочется тебя огорчать, но ты сам задал этот вопрос: почему Ра может не хотеть, чтобы ты разбудил его. «Книга Ра» была разделена на три части не просто так. Это было сделано специально, чтобы затруднить ее поиски и чтобы добиться успеха мог только самый достойный и упорный маг. Будьте готовы к тому, что на пути вам будут постоянно встречаться новые препятствия и новые опасности. Остальные два свитка защищены не меньше, а может, и гораздо сильнее, чем первый. Поэтому, прежде чем отважиться на этот поход, хорошенько подумай: что случится, если вы разбудите бога, который вовсе не хотел просыпаться?

Двери библиотеки с грохотом распахнулись, так что я чуть не свалился со стула. В круглый зал, весело щебеча и хихикая, ввалились Клио и с ней еще три девочки с охাপками свитков.

– Мои занятия начинаются, – объявил Амос, легким движением руки убирая голограмму Ра. – Давай продолжим наш разговор попозже, Картер, скажем, после обеда, ладно?

Почему-то мне вдруг показалось, что закончить этот разговор нам так и не удастся. Покидая библиотеку, я оглянулся и увидел, как Амос весело приветствует учеников, незаметно смахивая на пол пепел от сгоревшего скарабея.

Поднявшись в свою комнату, я обнаружил развалившегося на моей кровати Хуфу с пультом от телевизора. Естественно, на экране мелькали исключительно спортивные каналы. На павиане был его любимый свитер с эмблемой «Лейкерс», под лапой – миска с любимыми хлопьями «Чито». Одним словом, он наслаждался жизнью на полную катушку. С тех пор как в нашем особняке поселилась толпа учеников, Хуфу решил, что для спокойного просмотра спортивных программ в Большом зале сделалось слишком шумно, поэтому он решил пере-ехать ко мне.

Наверное, я должен был гордиться оказанной честью, однако в том, чтобы делить комнату с павианом, есть и некоторые неудобства. Думаете, от кошек и собак много шерсти? Значит, вы не пробовали чистить свою одежду или диван после общения с линяющим павианом.

– Ну, как дела? – поинтересовался я.

– Агх!

Вот и весь разговор. Впрочем, с Хуфу всегда так.

– Ну и отлично, – отозвался я. – Пойду-ка я на балкон.

Снаружи погода была все та же – холодная и дождливая. От ледяного ветра, задувающего со стороны Ист-Ривер, озябли бы даже пингвины Феликса, но мне сейчас было наплевать на холод. Впервые за день я мог наконец-то побыть в одиночестве.

С того дня, как в нашем Бруклинском Доме заселились первые ученики, я все время чувствовал себя как будто на сцене, где с меня не сводят взгляда десятки глаз. Но такова уж роль учителя: приходится изображать уверенность, даже когда тебя одолевают сомнения, и волю чувствам не дашь (вот разве что с Сейди иногда не получается сдерживаться), и даже пожаловаться вслух нельзя, если что-то идет не так. А что делать, короче говоря, приходится соответствовать. Чтобы попасть к нам на обучение, многим ребятам пришлось сражаться с монстрами и взрослыми магами, которые пытались им помешать. И как мне теперь признаться им, что иногда я ума не приложу, что нужно делать, или вслух посетовать, что следование путями богов может всех нас погубить? Не могу же я вдруг взять и объявить им: «Знаете, ребята, наверное, позвать вас всех сюда было не самой удачной идеей».

А ведь меня самого подобные мысли одолевали очень часто. Только теперь, когда в моей комнате расположился Хуфу, я мог предаваться тоске исключительно на балконе.

Прямо за рекой высились небоскребы Манхэттена. Шикарный вид, ничего не скажешь. Но вот что странно: когда мы с Сейди только прибыли сюда, в Бруклин, Амос обмолвился, что маги всегда стараются держаться от Манхэттена подальше. Дескать, на Манхэттене хватает своих проблем. Уж не знаю, что он имел в виду, но иногда, подолгу вглядываясь в кварталы за рекой, я мог поклясться, что видел очень необычные вещи. Сейди, конечно, смеется и не верит мне, но однажды я совершенно точно заметил в небе над небоскребами летящую лошадь. Может, конечно, магический барьер вокруг нашего особняка наводит какие-то оптические помехи, но все равно зрелище было странное.

Единственным предметом обстановки на моем балконе была гадательная чаша, внешне похожая на купальню для птиц, какие иногда устанавливают в парках: бронзовое блюдо на каменной подставке. Честно говоря, это была моя самая любимая магическая вещь. Ее сделал для меня Уолт, когда только приехал к нам.

Как-то раз в разговоре я брякнул, как, мол, было бы интересно посмотреть, что творится в других нобах, а он взял и изготовил для меня эту чашу.

Я видел, что такими чашами пользуются ребяташки-ученики в Первом Номе, но тогда мне показалось, что научиться искусству гадания очень непросто. К счастью, Уолт оказался

настоящим мастером своего дела. Если попробовать объяснить это на примере, скажем, автомобилей, то моя чаша могла бы считаться роскошным «Кадиллаком» с усиленным рулевым управлением, автоматической коробкой передач и даже подогревом сидений. Простота использования этой чудесной вещицы приводила меня в восторг: налил в чашу рафинированного оливкового масла, произнес нужное слово – и смотри сколько влезет! Чаша готова была показать мне любое место на земле при условии, что я мог зрительно представить его себе и что оно не имело магической защиты от подобного проникновения. Таким образом, увидеть с ее помощью место, где я никогда не бывал, было затруднительно, зато, чтобы увидеть людей или места, которые были мне хорошо знакомы, прикладывать усилий почти не приходилось.

Я уже сто раз пытался отыскать с ее помощью Зию, но у меня так ничего и не вышло. Что и неудивительно из-за недостатка информации. Мне было известно только, что ее бывший наставник, Искандар, ради спасения Зии погрузил ее в зачарованный сон и спрятал в каком-то недоступном месте, подменив двойником – очень искусно сделанным *шабти*, неотличимым от живой девушки. А где она спит, я не имел понятия.

Сегодня я решил попробовать новый метод: провел ладонью над блюдцем с маслом и попробовал представить себе место под названием Красные Пески. Как я и опасался, ничего не вышло. Я ведь никогда там не бывал и не имел представления, как это место выглядит. Разве что догадывался, что там много песка и он наверняка красного цвета. Негусто, короче. Естественно, в гладкой поверхности масла я не увидел ничего, кроме своего разочарованного отражения.

Ладно, значит, Зию я опять не увидел. Тогда я могу сделать вот что.

Сосредоточившись, я вызвал в памяти образ ее тайной комнаты в Первом Номе. Я был в этом месте всего один раз, несколько месяцев назад, но помнил все до мельчайших деталей. Масло в чаше тут же подернулось рябью, и на его поверхности проявилась картинка – подвижная, как на видеозаписи.

В комнатке все осталось, как прежде. На низеньком столике горели неугасаемые магические свечи, на стенах виднелись фотографии: деревушка на берегу Нила, где Зия выросла, ее родители и она сама, совсем еще маленькая девчушка.

Тогда, в этой комнатке, Зия рассказала мне свою печальную историю. Ее отец-крестьянин участвовал в раскопках египетских древностей. Однажды он принес домой какой-то сосуд и случайно выпустил из него на свободу жуткого монстра. Маги потом сумели его уничтожить, но деревня оказалась полностью разрушена, а из ее жителей не уцелел никто, кроме малышки Зии, которую родители успели спрятать. Искандар, бывший Верховный Чтец Дома Жизни, взял сироту с собой в Первый Ном и обучил магии. По сути, он заменил Зии ее семью, и она была очень к нему привязана.

А в прошлом году, под Рождество, мой отец высвободил из Розеттского камня в Британском музее нескольких богов. Одна из богинь, Нефтида, выбрала носительницей своего духа Зию, которая оказалась поблизости. По законам Дома Жизни, «одержимость» богами каралась смертью, причем независимо от того, случилось это по вашей вине или нет. Чтобы спасти Зию, Искандар спрятал ее. Наверное, он собирался вернуть девушку назад, когда все немного уляжется, но не успел, потому что умер, и его место занял Дежарден.

Вот так и получилось, что Зия, которую я знал, на самом деле была не настоящей девушкой, а ее глиняным двойником – *шабти*. Однако я всем сердцем надеялся, что *шабти* и Зия обмениваются между собой мыслями и воспоминаниями. Тогда есть шанс, что Зия вспомнит меня, когда наконец проснется. Я никак не мог примириться с мыслью, что влюбился в глиняную поделку. И особенно меня удручало, что я никак не мог придумать, как ее спасти.

Сосредоточенно уставившись на картинку в чаше, я усилием воли приблизил фотографию, где Зия сидит на плечах отца. Конечно, на этом снимке она была еще совсем малышка, но уже было видно, что из нее вырастет настоящая красавица. Блестящие черные волосы подстри-

жены коротким клином (точно такую же стрижку носила и та Зия, которую я знал), янтарные глаза лучатся теплым светом. Щелчок фотоаппарата застал ее в тот момент, когда она с улыбкой закрывала отцовские глаза ладошками. Наверно, она была смешливой и озорной девочкой.

– *Я уничтожу девушку, которую ты ищешь*, – сказала мне та трехголовая змея, – *как уже уничтожила ее деревню*.

Я не сомневался, что речь идет о Зии и ее деревне. Но имело ли то давнишнее нападение на ни в чем не повинных крестьян отношение к нынешнему возрождению Апопа? И если это не было всего лишь случайным совпадением – то есть если Апоп нарочно уничтожил родную деревню Зии и ее семью, – тогда зачем это было ему нужно?

Одним словом, я должен во что бы то ни стало найти Зию. Раз она каким-то образом связана с приближающейся битвой с Хаосом, это перестает быть просто моим личным делом. Но что, если угрозы змеи и *бау* были не пустыми словами и мне придется встать перед выбором: искать «Книгу Ра» или спасти Зию? В душе я свой выбор уже сделал. Ради того, чтобы остановить Апопа, я уже лишился мамы, отца и всей своей прежней беззаботной жизни. Терять еще и Зию я не собираюсь.

Я как раз представил себе, какую трепку задала бы мне сама Зия, узнай она о моих мыслях, как кто-то постучал в балконную дверь.

– Можно? – Уолт стоял на пороге, держа за лапу Хуфу. – Надеюсь, ты не против... Хуфу впустил меня.

– Агх! – с готовностью подтвердил павиан. Втянув Уолта на балкон, он ловко вскочил на перила и с удобством устроился на них, ничуть не беспокоясь о возможности свалиться со стофудовой высоты прямоком в реку.

– Конечно, входи, – сказал я.

Я не был рад, что меня опять лишили возможности побыть одному, но особого выбора у меня не оставалось. Хуфу просто обожал Уолта, наверняка потому, что в баскетбол он играл просто отлично. Уж всяко лучше, чем я.

Уолт кивком указал на гадательную чашу.

– Как она, работает?

На масляной поверхности все еще подрагивало изображение комнаты Зии в Первом Номе. Я быстро провел над чашей ладонью, торопясь сменить картинку на что-то другое. А поскольку мне как раз пришла в голову мысль о Сейди, я вызвал изображение гостиной в квартире бабушки и дедушки.

– Работает, еще как, – сказал я, снова поворачиваясь к Уолту. – Как ты себя чувствуешь? От этого невинного вопроса парень вдруг напрягся, как будто я припер его к стенке.

– Что ты имеешь в виду? – настороженно осведомился он.

– Как это что? То происшествие в зале для тренировок... Трехголовая змея и все такое...

Плечи парня немного расслабились.

– Ну да... странное сегодня утро. Амос подсказал, что это было?

Интересно, подумал я, чего это он такой нервный? Может, я что-нибудь не так сказал и он обиделся? Впрочем, сейчас есть проблемы и поважнее.

Я пересказал ему наш разговор с Амосом. Уолт вообще-то очень уравновешенный и хорошо умеет слушать, но сейчас я видел, что он отчего-то предельно насторожен.

Когда я умолк, Уолт подошел и облокотился о перила, где сидел Хуфу.

– Значит, Апоп послал эту тварь к нам в дом? И если бы мы ее не остановили...

– Амос уверен, что особого вреда змея нанести не могла. Ее прислали просто передать послание и припугнуть нас.

Уолт взволнованно покачал головой.

– Но выходит, теперь наши враги знают, на что мы способны. Например, знают, что Феликс умеет кидаться кроссовками.

Я невольно ухмыльнулся.

– Да, жуткое секретное оружие. Но на месте врагов я бы больше испугался кое-чего другого. Скажем, того серого света, которым ты взрезал по змее... и с *шабти* ты тоже ловко управлялся, одна пыль осталась...

– Хочешь знать, как я это сделал? – Уолт беспомощно пожал плечами. – Картер, честное слово, я и сам не знаю. Хотя только и думаю, что об этом. Понимаешь, я ведь не успел ничего предпринять, действовал чисто инстинктивно. Поначалу я решил, что случайно активировал какое-нибудь встроенное в *шабти* заклятие саморазрушения. Иногда мне удается делать подобные вещи с разными магическими штуками – вроде как включать и выключать их.

– Но в змею-то точно никаких таких заклятий никто не встраивал.

– То-то и оно, – понурился он.

Кажется, его самого это происшествие встревожило гораздо больше, чем меня. Хуфу принялся заботливо перебирать его волосы в поисках вероятных блошек, и Уолт даже не попытался прекратить это безобразие.

– Уолт... – Я замаялся, не желая давить на него. Но должен же я хотя бы попытаться выяснить! – Скажи, а это твое новое умение... ну, превращать все в пыль... оно не имеет отношения к тому вашему разговору с Жас?

Ну вот, опять: сухожилия на шее натянулись, взгляд стал как у загнанного зверя. Что же такое с парнем?

– Знаю, знаю, – тут же отступил я. – Это не мое дело, ты прав. Но ты последнее время чем-то расстроен. Если я могу помочь...

Уолт молча смотрел вниз, на реку, и вид у него был до того подавленный, что даже Хуфу заворчал и похлопал его лапой по плечу.

– Иногда я сам не понимаю, что я здесь делаю, – сказал Уолт тихо.

– Да ты что? – поразился я. – У тебя же настоящий дар! Ты один из лучших. У тебя огромное будущее в магии!

Он задумчиво вынул что-то из кармана – как оказалось, сухой панцирь скарабея, подобранный на полу в зале.

– Спасибо, конечно. Но время... оно как будто играет со мной злую шутку. Очень уж все сложно, Картер. А насчет будущего... даже не знаю.

Мне почему-то показалось, что он имеет в виду не только четыре дня, оставшиеся нам на спасение мира.

– Послушай, – снова заговорил я. – Если тебя что-то не устраивает в том, как мы с Сейди ведем занятия...

– Да нет, что ты. Вы оба потрясающие учителя. А Сейди...

– Сейди ты очень нравишься, – вставил я. – И я знаю, что иногда она бывает чересчур навязчивой. Так что если хочешь, чтобы она от тебя отстала...

(Согласен, Сейди, возможно, мне не следовало это говорить. Но правда, стоит тебе положить глаз на какого-нибудь парня, как ты ему просто проходу не даешь. Вообще-то людям от этого бывает здорово неловко.)

Уолт рассмеялся, на этот раз вполне искренне.

– Да нет, Сейди тут ни при чем. Мне она тоже нравится. Просто...

– Агх! – рывкнул вдруг Хуфу так громко, что я чуть не подпрыгнул. И видок у него был тот еще: громадные клыки оскалены, загрибок взъерошен... Павлиан глухо рычал, глядя в гадальную чашу.

Чаша по-прежнему показывала пустую гостиную в квартире бабушки с дедушкой. Вроде бы ничего страшного... Однако приглядевшись внимательнее, я понял: что-то не так. Свет выключен, телевизор тоже. И диван как будто опрокинут...

Во рту я почувствовал мерзкий металлический привкус.

Сосредоточившись, я подвинул изображение так, чтобы стала видна входная дверь. Двери не было: кто-то разнес ее на куски.

– В чем дело? – встревоженно спросил Уолт, подходя ближе. – Что-нибудь не так?

– Сейди... что-то случилось с Сейди...

Я напряг всю свою волю, чтобы найти ее. Я знал свою сестру так хорошо, что обычно мне хватало секунды, чтобы определить, где она находится, но на этот раз ничего не вышло: поверхность масла вдруг затянуло непроницаемой чернотой. Глаза мне пронзило острой болью, и масло вдруг вспыхнуло.

Уолт успел оттолкнуть меня в сторону до того, как мне опалило лицо. Яростно таякая, Хуфу схватил бронзовое блюдо и швырнул его через перила вниз, прямо в Ист-Ривер.

– Что это было? – ошарашенно спросил Уолт. – В жизни не видел, чтобы гадальные чаши вот так...

– Мне нужно в Лондон. Срочно! – просипел я, выкашливая едкий дым от сгоревшего масла. – Какой портал ближе всего?

Кажется, Уолт все понял. Его лицо посуровело, на скулах вздулись желваки.

– Наш портал пока остывает. Значит, придется вернуться в Бруклинский музей.

– Грифон, – бросил я.

– Понял. Я тоже с тобой.

– Хуфу, скажи Амосу, что мы отправляемся в Лондон, – велел я павиану. – Сейди в беде. Объяснять некогда.

Хуфу согласно рыкнул и спрыгнул за перила – у него был свой скоростной метод спускаться на нижние этажи.

А мы с Уолтом промчались через мою комнату и понеслись напрямик на крышу.

6

Подарок от парня с шакальской головой

Сейди

Ладно, братец, поговорил и хватит.

Послушав твою болтовню, все решат, что я застыла истуканом на пороге бабушкиной-дедушкиной квартиры, вопя от страха во все горло.

И вы с Уолтом, значит, бегом сорвались в Лондон, решив, что мне позарез нужна ваша помощь... Одно слово – мальчишки!

Ну ладно, ладно. Мне действительно была нужна помощь. Но суть не в этом.

Итак, возвращаясь к концу моего рассказа: стою я, значит, у двери, а чей-то голос из темноты шипит: «Добро пожаловать домой, Сейди Кейн».

Конечно, я догадалась, что ничего хорошего меня не ждет. Руки у меня тряслись, как будто я сунула пальцы в розетку. Первым делом я попыталась вызвать из Дуата свой посох и жезл, но, как я уже упоминала, быстро у меня такие вещи не получаются. Само собой, я уже кляла себя последними словами за то, что явилась сюда неподготовленной ко всяким неожиданностям... Но не могла же я, в самом деле, отправиться на долгожданный выход с подружками, нарядившись в мешковатую льняную пижаму, да еще таская за собой повсюду нескладную ворсистую сумку, битком набитую довольно увесистым магическим снаряжением!

Наверно, самым разумным было бы тут же развернуться и уносить ноги, но меня очень тревожила судьба бабушки с дедушкой. Куда они подевались? Я не могла смыться, не убедившись, что с ними все в порядке.

Верхняя ступенька скрипнула. Подняв голову, я увидела подол черного платья и обутые в сандалии ноги... которые можно было назвать человеческими только с большой натяжкой. Скрюченные пальцы с разросшимися загнутыми ногтями больше походили на куриные лапы. А когда обладательница платья и сандалий полностью выступила из темноты, я не сдержалась, издав какой-то совершенно позорный жалкий писк.

На вид ей было, наверное, лет сто. Горбатая, иссохшая, сморщенная – вылитая ведьма из страшной сказки. Кожа на лице и шее собралась розовыми складками, как будто ее нарочно высушили. Нос больше походил на крючковатый птичий клюв. Маленькие пронзительные глазки сверлили меня из глубоких глазниц хищным взглядом. В довершение всей этой красоты старуха оказалась совершенно лысой, не считая нескольких пучков сальных черных волос, почти не прикрывающих шишковатый, обтянутый кожей череп.

Зато платье у нее было прямо-таки роскошное – черное, как безлунная ночь, и очень пышное. Вот только с размером старая карга не угадала – одежда оказалась ей великовата, причем значительно. Тощее тело тонуло в пушистой ткани, как в объемной шубе... Впрочем, когда старуха приблизилась, я поняла, что ее одеяние сделано не из меха, а из птичьих перьев.

Высунув из рукавов костлявые руки, она поманила меня когтистым пальцем. От ее улыбочки меня передернуло: зубы ведьмы оказались острыми, как осколки стекла. А про запах я сказала? Так вот, пахло от нее не просто как от неопрятной старухи... скорее, как от давно мертвой неопрятной старухи.

– Долго же тебя пришлось ждать, – проскрипела карга. – Хорошо, что терпения мне не занимать.

Я снова лихорадочно пошарила рукой в воздухе, надеясь нащупать спасительный жезл. Разумеется, ничего у меня не вышло. Но без подсказки Исида и без ее силы я не могла наводить чары, просто пользуясь Божественной Речью. Мне нужны мои инструменты! Значит, нужно постараться потянуть время, пока мне не удастся собраться с мыслями настолько, чтобы получить доступ к личному хранилищу в Дуате.

– Кто ты? – спросила я, стараясь говорить без дрожи в голосе. – И где мои бабушка с дедушкой?

Старуха сползла к основанию лестницы и остановилась метрах в двух от меня. Вблизи оказалось, что ее платье сплошь покрыто присохшими кусочками... брр... гнилого мяса, что ли?

– Неужели ты не узнаешь меня, милая? – Образ жуткой карги мигнул, расплылся... и изменился. Черное платье превратилось в цветастый халат, сандалии на когтистых лапах обернулись пушистыми зелеными шлепанцами. Я увидела завитые седые буколки, водянистые голубые глаза, знакомое ласковое выражение лица... Передо мной стояла бабушка.

– Сейди?... – Бабушкин голос прозвучал слабо и как будто смущенно.

– Бабуля!

Миг – и на ее месте снова стояла кошмарная ведьма в черных перьях, с гнусной улыбочкой на сморщенном лице.

– О да, моя дорогая. В жилах вашей семейки течет кровь фараонов, а боги любят вселяться в наследников древних династий! Но не заставляй это тело излишне напрягаться, милочка. Сама знаешь, сердце у твоей бабушки уже не то, что прежде.

Меня затрясло. Раньше мне уже доводилось видеть людей, в которых вселялись боги, и это всегда было отвратительно. Но сейчас... сама мысль, что моей бедной старенькой бабулей завладела какая-то мерзкая египетская ведьма, привела меня в полный раздрай. Если в моих жилах и впрямь текла кровь фараонов, то сейчас вся она обратилась в лед.

– Оставь ее в покое! – Я собиралась грозно заорать, но от страха у меня получился только какой-то испуганный писк. – Убирайся из нее!

Карга скрипуче захихикала.

– О, боюсь, никак не получится. Дело в том, Сейди Кейн, что некоторые из нас сомневаются в твоей силе.

– Некоторые из вас... богов, что ли?

Лицо старухи как будто пошло рябью, на мгновение превратившись в жуткую птичью голову – лысую, бугристую, ярко-розовую, с длинным острым клювом. Моргнув, я снова увидела ухмыляющуюся старуху. Определенно, старой ведьме лучше бы сосредоточиться на каком-нибудь одном воплощении.

– Я уважаю сильных личностей, Сейди Кейн. В прежние времена я становилась защитницей фараонов, если они доказывали, что достойны этого. Но слабые... Ах, Сейди Кейн, если слабые оказывались в тени моих крыльев, больше я их уже не отпускала. Я ждала, пока они умрут, а потом съедала их. И ты, моя дорогая, станешь моим следующим обедом.

Попытившись, я прижалась спиной к двери.

– Я тебя знаю, – нахально соврала я. На самом деле сейчас я лихорадочно перебирала в уме всех известных мне египетских божеств, пытаясь припомнить среди них уродливую каргу в перьях. Конечно, я не могла сравниться с Картером в способности к запоминанию всех этих

имен, об которые язык сломаешь. (Нет, Картер, это не комплимент. Это просто означает, что ты законченный «ботаник».) Но поскольку мне приходилось учить мифологии наших учеников, я заодно и сама кое-что усвоила.

Имена обладают магической силой. Значит, если я узнаю имя моего врага, это станет первым шагом к победе над ним. Так, значит... отвратительная черная птица... птица, питающаяся мертвечиной...

Я даже сама удивилась, когда в моей памяти всплыло нечто подходящее.

– Ты – богиня стервятников, – с торжеством заявила я. – Некбут, верно?

– Нехбет! – рассерженно каркнула старуха.

Отлично, я почти не промахнулась.

– Но ты же считаешься хорошей богиней! – возмутилась я.

Богиня раскинула руки, которые тут же обернулись крыльями с черным засаленным оперением, в котором копошились какие-то мухи и от которого жутко несло падалью.

– Стервятники очень хорошие, Сейди Кейн. Полезнее нас не сыскать. Мы устраняем больных и слабых. Кружим над ними, пока они не упадут замертво, а потом поедаем их трупы, очищая мир от смердящих останков. А вот вы намереваетесь вытащить из небытия Ра – этот никчемный, иссохший от древности труп старого бога солнца. И вы собираетесь посадить его на трон царя богов! Это противоречит всем законам природы, милочка. Только сильные достойны жить. А слабых и мертвых полагается съедать.

От ее дыхания веяло падалью.

До чего же гадкие создания, все эти грифы, стервятники... самые омерзительные птицы на свете. Согласна, они делают благое дело, но неужели для этого обязательно быть такими грязными и уродливыми? Почему очищением мира от падали не могли бы заниматься какие-нибудь милые пушистые создания... скажем, кролики?

– Ну ладно, – сказала я, стараясь подпустить в голос хоть немного угрозы. – Во-первых, убирайся вон из моей бабушки. А во-вторых, если ты такая хорошая и полезная, обещаю купить тебе мятных пастилок для освежения дыхания.

Должно быть, для Нехбет это была болезненная тема, потому что она вдруг бросилась на меня со злобным клекотом. Я метнулась в сторону, перескочив через диванчик и нечаянно опрокинув его. Замахнувшись крылом, Нехбет снесла с буфетной полки бабушкину коллекцию фарфоровых статуэток.

– Ты умрешь, Сейди Кейн! – прохрипела она. – Умрешь, и я обглодаю твои косточки. Тогда остальным богам тоже станет ясно, что большего ты не стоишь!

Я приготовилась к очередной атаке, но старуха только сверлила меня злобными глазками из-за перевернутого дивана. До меня постепенно дошло, что стервятники обычно не убивают свою жертву, а ждут, пока она умрет сама.

Черные крылья Нехбет заполнили всю комнату, накрыв меня сумрачной тенью. Я тут же почувствовала себя маленькой, беспомощной и слабой, как загнанный больной зверек...

Если бы я не сталкивалась с враждебной волей богов раньше, я, наверное, не распознала бы в этом магической уловки, именно для того и нужной, чтобы заставить меня впасть в отчаяние и сдаться. Но я заставила себя вспомнить, что раньше уже одерживала победы над самыми жуткими божествами потустороннего мира. Значит, и с этой паршивой старой птицей тоже справлюсь.

– Отличная попытка, – хмыкнула я. – Но я не собираюсь ложиться тут и умирать, чтобы доставить тебе удовольствие.

Нехбет злобно зыркнула глазками.

– Возможно, это случится не сразу, милочка, но я ведь уже говорила, терпения мне не занимать. Если не хочешь поддаться мне добровольно... что ж, скоро здесь будут твои смертные подружки. Как их зовут: Лиз и Эмма, верно?

– Не смей их трогать! Они здесь вообще ни при чем!

– Ах, но из них получится такая славная закуска... И ты так до сих пор и не поздоровалась с дедушкой. Разве ты ему не рада?

Кровь застучала у меня в ушах.

– Где он? – резко спросила я.

Нехбет бросила взгляд куда-то на потолок.

– О, он скоро будет здесь. Мы, стервятники, любим держаться поближе к большим хищникам. Пусть они убивают, а мы возьмем свое попозже.

С верхнего этажа донесся приглушенный грохот – как будто кто-то швырнул в окно нечто тяжелое.

Я услышала громкий крик дедушки: «Нет! Не-е-е-ет!» – а потом его голос вдруг стал меняться, превращаясь в протяжный звериный рев: «НООООООАААААА!»

Остатки моей храбрости вместе с душой ушли в пятки. Прямо в мои армейские ботинки.

– Ч-ч-то это...

– О да, – с удовлетворением кивнула Нехбет. – Баби просыпается.

– К-кто? Бобби? Неужели есть бог по имени Бобби?

– Б-А-Б-И, – прорычала богиня по буквам. – А ты туповата, дорогуша, как я и ожидала.

С потолка посыпалась штукатурка. Кто-то очень тяжелый расхаживал по верхнему этажу и сейчас приближался к лестнице.

– Уж Баби о тебе позаботится как положено, – пообещала старуха с ухмылкой, которая мне очень не понравилась. – И на мою долю еще останется вдоволь.

– Тогда до свидания, – торопливо бросила я, ринувшись к двери.

Нехбет не стала даже пытаться меня остановить, только пронзительно заорала мне вслед:

– Охота! Охота! Замечательно!

Я уже успела выскочить на улицу, когда входная дверь как будто взорвалась. Оглянувшись на бегу, я увидела, как из кучи обломков и пыли появилась огромная, черная косматая тварь – уж точно покрупнее моего дедушки.

Впрочем, разглядывать ее я не стала.

Мчась со всех ног, я завернула за угол, вылетев на улицу Саус-Колоннейд, и нос к носу столкнулась с Лиз и Эммой.

– Сейди! – взвизгнула Лиз, роняя завернутый в блестящую бумагу подарок. – Что с тобой?

– Некогда объяснять, – выпалила я. – Бежим!

– Ага, я тоже рада тебя видеть, – буркнула Эмма. – А куда ты так спе...

Позади нас, быстро приближаясь, раздался угрожающий рык.

– Позже расскажу, – перебила я подругу. – Если не хотите, чтобы вас распотрошил бог по имени Баби, давайте за мной!

Вспоминая этот день, я готова признать, что более убогого дня рождения у меня никогда не было, но в тот момент я была в такой панике, что даже забыла себя пожалеть.

Мы неслись вниз по Саус-Колоннейд, и хныканье моих подружек почти заглушало рев преследующей нас твари.

– Сейди! – пропыхтела Эмма. – Признайся, это очередная твоя шуточка?

Я успела заметить, что за то время, пока мы не виделись, она стала чуть повыше, но в остальном выглядела точно так же: огромные очки в блескучей оправе и короткие, стоящие торчком волосы. Сегодня она вырядилась в черную кожаную мини-юбку, пушистый розовый джемпер и дурацкие туфли на высокой платформе, в которых и ходить-то трудно, не то что бегать. Как там звали того эпатажного рок-певца времен 70-х – Элтон Джон, что ли? Так вот, если бы у него была дочь-индианка, она бы выглядела точь-в-точь как Эмма.

– Никаких шуток, – поклялась я. – И ради бога, выбрось ты эти туфли!

Эмма выпучила глаза.

– Да ты хоть знаешь, сколько они стоят?

– Нет, ну правда, Сейди, – вмешалась Лиз. – Куда ты нас тащишь?

Хоть Лиз и была одета в нечто более вразумительное – джинсы, кроссовки, белую маечку и джинсовую курточку, – запыхалась она ничуть не меньше Эммы. Мой подарок, который она зажала под мышкой, уже изрядно помялся. Как многие рыжие девчонки, Лиз сплошь покрыта веснушками. Она от природы белокожая, но стоит ей смутиться или хоть немного напрячься, краснеет она так густо, что веснушек становится не видно. В обычных обстоятельствах мы с Эммой непременно подразнили бы ее за это, но сегодня нам было не до того.

Позади опять раздался раскатистый рев. Я оглянулась посмотреть, что там такое творится... зря я это сделала. Потому что от неожиданности я застыла столбом, и подружки налетели прямиком на меня.

На мгновение я подумала: «Боже мой, это же Хуфу».

Но Хуфу не был размером с медведя гризли. Его плечи не покрывала грива блестящей серебристой шерсти, у него не было клыков размером с ятаган и уж тем более такого кровавого взгляда. Павиан, наводящий сейчас панику на весь квартал Кэнэри-Уорф, выглядел так, будто бы готов сожрать все, что угодно, неважно, заканчивается оно на – о или любую другую букву.

Единственная хорошая для нас новость заключалась в том, что оживленное уличное движение несколько отвлекло чудовище от погони. Машины, визжа тормозами, пытались объехать вывалившееся на улицу чудовище. Пешеходы с криками разбегались кто куда. Павиан принялся переворачивать такси, колотить витрины и вообще устроил жуткий тарарам. Когда он оказался поближе, я сумела разглядеть болтающийся на его правой лапе обрывок красной ткани – все, что осталось от любимой дедушкиной кофты. А на лбу у него поблескивали дедушкины очки.

При виде этих знакомых вещей потрясение накрыло меня с головой. До сих пор в глубине души я как-то не верила, что эта жуткая тварь – действительно мой дедушка, но сейчас я поняла: это он. А ведь он знать не знал ничего о магии и не сделал ничего, что могло бы прогневить египетских богов.

Трудно даже описать, до чего я разозлилась. Да, конечно, бывали времена, когда я обижалась на стариков, особенно когда они говорили гадости про моего папу или игнорировали Картера, или когда они в прошлое Рождество с такой легкостью отдали меня Амосу, даже не попытавшись за меня вступить. Но как бы я на них порой ни сердилась, я все равно была к ним привязана. Они ведь растили меня целых шесть лет, хотя и им со мной приходилось непросто. Когда я была маленькой, дед сажал меня на колени и читал мне сказки, водил гулять в парк, несчетное множество раз ходил со мной в зоопарк и покупал мне сладости, несмотря на бабушкины запреты. Конечно, характер у него был не сахар, но по большому счету он был всего лишь безобидным стареньким пенсионером. И уж точно не заслуживал, чтобы его телом завладел подобный монстр.

Павиан сорвал дверь с какого-то паба и сунул голову внутрь, шумно принохиваясь. Клиенты в панике вскакивали со стульев, высаживали окна и выбегали на улицу, не выпуская, впрочем, из рук кружек с пивом. На шум откуда-то прибежал полицейский, увидел павиана, развернулся и тут же отбежал подальше, требуя по рации немедленно прислать подкрепление.

Вообще-то, когда простые смертные видят нечто магическое, у них в мозгу как будто происходит короткое замыкание, так что они воспринимают только то, что могут понять путем рациональных умозаключений. Уж не знаю, как сейчас все эти люди объясняли себе происходящее и что именно, по их мнению, они видели: сбежавшую из зоопарка обезьяну, а может, разбушевавшегося гангстера, – но все они спешили убраться подальше. Интересно, что потом покажут уличные камеры...

– Сейди, – тихо-тихо пискнула Лиз. – Кто это такой?

– Баби, – ответила я. – Бог павианов, будь он неладен. Он вселился в тело моего дедушки и хочет нас убить.

– Гм... – подала голос Эмма. – Я не ослышалась? Ты правда сказала, что этот павиан – бог и хочет нас убить?

Павиан притормозил, злобно взревел и заморгал, растерянно озираясь, как будто вдруг забыл, что собирался сделать. Возможно, подумала я, сказала обычная дедушкина рассеянность, да и видел он без очков неважно. И кстати, вечно забывал, что очки у него на лбу, и искал их по всему дому. Чудовище понюхало землю, разочарованно взвыло и ударом кулака разнесло витрину кондитерской.

Я уже успела подумать, что удача нам улыбнулась и мы сможем улизнуть, воспользовавшись его замешательством, но тут над нами пронеслась широкая крылатая тень, и пронзительный голос закричал: «Здесь! Они здесь!»

Великолепно. Оказывается, наш павиан пользуется поддержкой с воздуха.

– Вообще-то этих богов двое, – сообщила я подругам. – А теперь, если вопросов больше нет, бежим!

На этот раз подгонять Лиз и Эмму не потребовалось. Эмма тут же скинула свои несуразные туфли, Лиз отшвырнула в сторону мой подарок – жалко, конечно, – и мы помчались дальше по улице.

Мы петляли по переулкам и прижимались к стенам, когда замечали проплывающую над нашими головами тень стервятника. Я слышала, как позади ревет и бесчинствует Баби, круша все на своем пути и отравляя людям заслуженный вечерний отдых. Но двигался он уже не так целеустремленно, и я решила, что наш след он все-таки потерял.

Мы чуть помедлили на перекрестке, пока я раздумывала, куда лучше свернуть. Прямо перед нами улица упиралась в небольшую старинную церквушку, каких полным-полно в Лондоне: сумрачный каменный осколок Средневековья, втиснувшийся между модной кофейней и магазинчиком косметики, неоновая реклама которого навязчиво предлагала три любых флакона средств для волос всего за один фунт. К церкви прилегало малюсенькое кладбище за потускневшей оградой. Я и внимания на него не обратила бы, если бы чей-то голос вдруг не окликнул меня шепотом:

– Сейди.

Просто чудо, что мое многострадальное сердце не разорвалось на месте. Резко обернувшись, я оказалась лицом к лицу... с Анубисом, в его хорошо знакомом мне смертном обличье, в котором он выглядел как парень лет шестнадцати с взлохмаченными черными волосами и глазами цвета шоколада. Черная футболка с эмблемой рок-группы Dead Weather и черные джинсы ему очень шли.

Обычно при виде симпатичных парней Лиз и Эмма вообще ведут себя довольно глупо, а тут у них и вовсе мозги отказали.

Лиз только и смогла, что выдавить из себя бессвязные междометия вроде:

– О... А... ой... кто... он?

А Эмму, кажется, даже ноги перестали слушаться, потому что она чуть не повалилась на меня.

Я наградила обеих суровым взглядом и повернулась к Анубису.

– Приятно для разнообразия увидеть кого-то из друзей, – проворчала я. – Тут за нами гонятся бешеный павиан и стервятник и хотят нас убить. Ты не сможешь нам избавиться от них? Пожалуйста.

Анубис чуть скривился, и у меня появилось неприятное чувство, что он явился ко мне вовсе не с хорошими новостями.

– Зайди на мою территорию, – сказал он, открывая кладбищенскую калитку. – Нам нужно поговорить, а времени совсем мало.

Эмма снова уставилась на меня выпученными глазами:

– На его территорию?

– Кто... а... что?.. – пробулькала Лиз.

– Тсс, – зашипела я на них, стараясь держаться спокойно и непринужденно, как будто встречи с потрясными парнями на старых кладбищах для меня самое обычное дело. Выглянув напоследок на улицу, я убедилась, что ни Баби, ни Нехбет пока не видно. Зато слышно обоих было хорошо: бог-павиан глухо ревел, а богиня-стервятница покрикивала с неба почти бабушкиным голосом (ну, если бы бабушка вконец охрипла и вдобавок сошла с ума): «Сюда! Сюда!»

– Ждите здесь, – велела я подругам и шагнула за ограду.

Вокруг резко похолодало. Над сырой землей стелился туман. Старые могильные плиты мерцали и расплывались, а все, что за оградой, вдруг оказалось размытым, как будто не в фокусе. Признаю, Анубис умел выбить меня из равновесия, но на этот раз я поняла, что происходит. Мы вместе с кладбищем погрузились в Дуат, оказавшись сразу в двух мирах: моем и Анубиса.

Он подвел меня к древнему каменному саркофагу и почтительно поклонился:

– Беатрис, ты не против, если мы присядем?

Ничего не произошло. Надписи на саркофаге давным-давно стерлись, но я полагаю, что в нем нашла свое последнее упокоение неведомая мне Беатрис.

– Благодарю. – Анубис снова поклонился и жестом предложил мне сесть. – Она не возражает, – сообщил он мне.

– А что было бы, если бы она возражала? – поинтересовалась я, усаживаясь на холодный камень с некоторой опаской.

– Восемнадцатый Ном, – сказал Анубис.

– Прости... что?

– То место, куда вы должны отправиться. Вторая часть свитка у Влада Меньшикова. Он хранит ее в верхнем ящике стола в штаб-квартире ордена в Санкт-Петербурге. Разумеется, это ловушка. Он надеется заманить вас в нее. Но если вам действительно нужен свиток, выбора у вас нет. Отправляться нужно сегодня же вечером, пока он не успел усилить защиту. И еще, Сейди... если другие боги узнают, что это я дал тебе все эти сведения, у меня будут большие неприятности.

Я уставилась на него во все глаза. Seriously, иногда он ведет себя настолько по-мальчишески, что я никак не могу поверить, будто ему пять тысяч лет. Наверное, это все из-за того, что он безвылазно обитает в своей Стране Мертвых и не замечает, как течет время. Честное слово, парню нужно почаще выбираться в свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.